

Ю.Э.Демиденко

**«КРЫМСКАЯ ЗАГАДКА» — СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ
ИЗДЕЛИЯ В РАННЕМ ОРИНЬЯКЕ ТИПА КРЕМС-ДЮФУР
СЮРЕНИ I: АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ГИПОТЕЗЫ ДЛЯ
РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ**

*«In archaeology you almost never find what you set out
to find»*

Mary D. Leakey

*«Logic could be especially useful when you entered it
but then left it»*

Umberto Eco. «The Name of the Rose»

Yu.E. Demidenko. «The Crimean Enigma» — Middle Palaeolithic Artifacts within Early Aurignacian of Krems-Dufour Type Complexes at Siuren-I: Alternative Hypothesis for Solution of the Problem.

On the results of new 1990s excavations and taking into consideration all published and partially unpublished data on the previous 1879 – 1880 and 1920s excavations at Siuren-I rock-shelter (Crimea) an attempt was undertaken to elucidate the meaning of the Middle Palaeolithic industrial component (techno-typologically very much similar to flints of the Crimean Micoquian Tradition industries) within the site's Lower layer 1920s / Units «G» and «H» 1990s cultural bearing deposits containing complexes of the European Early Aurignacian of Krems-Dufour type industry. The analysis with the use of the «alternative hypotheses» method led us to the following conclusions.

There are no archaeological levels with only Middle Palaeolithic artifacts within the site's Upper Paleolithic sequence of 4 hearth / ashy lenses of the Lower layer 1920s / Units «G» and «H» 1990s. Various natural disturbance processes (e. g., cryoturbation or water streams erosion) and other ways penetration of Middle Palaeolithic pieces into Upper Palaeolithic levels should not be considered as actual reasons. The «evolutionary idea» on development of Siuren-I Upper Palaeolithic industry with some «Middle Palaeolithic survival elements» from the local Middle Palaeolithic does not correspond to all archaeological, anthropological, and chronological data, either. Ideas on possible contacts and interactions between Aurignacian Homo Sapiens and Micoquian Neanderthals do not seem to be the likely ones at all, otherwise we would have to agree with «a reverse acculturation model» where Neanderthals have introduced a number of their typical industrial elements into Homo Sapiens' flint treatment and using systems and the latter «modern» human groups fully accepted and used them with no changes, while the former «archaic» human groups did not share any Upper Palaeolithic / Aurignacian industrial elements. At present time, the only possible explanation goes from the ideas on «alternative visits» to the Siuren-I rock-shelter at ca. 30 000 B. P. by both the Crimean Micoquian Neanderthals («very ephemeral» frequent occupations) and Aurignacian Homo Sapiens (frequent occupations with «short-term camps» features) where under certain sedimentation processes and their rates rich in finds Upper Palaeolithic levels «absorbed» rare Middle Palaeolithic pieces creating now known archaeological sequence with only Upper Palaeolithic levels containing some Middle Palaeolithic items, instead of the assumed actual interstratification of Middle and Upper Palaeolithic levels there. Accepting it, now it is also finally possible to argue that the Siuren-I is the first site in the South-Western Crimea with the Crimean Micoquian Tradition — Kiik-Koba industry complex. Elaboration of «alternative visits» hypothesis for analyses of some Palaeolithic sites and their complexes with so-called «heterogeneous industrial features» seems to be very fruitful and useful for further application.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы т. н. переходного периода от среднего к верхнему палеолиту в Европе, в хронологическом плане соответствующего отрез-

ку времени от 50 000 до 30 000 лет назад, являлись и все еще являются одними из наиболее интригующих в науке о палеолите. Это, безус-

ловно, связано с тем, что именно в данное время на европейском континенте появляются и человек современного вида — *Homo sapiens*, и происходит широкое распространение, как модно сейчас говорить, верхнепалеолитического «современного стиля жизни» во многих аспектах деятельности и быта первобытных коллективов, которые сменили здесь сообщества неандертальцев со среднепалеолитическими «несовременными» характеристиками их «стиля жизни». Такой известный специалист, как Офер Бар-Йозеф, рассматривает даже эти изменения как «революционные» («Middle / Upper Paleolithic Revolution») для каменного века в контексте всей древнейшей ойкумены и сравнивает их значение с «неолитической революцией» («Neolithic or Agricultural Revolution») и «индустриальной революцией» Нового Времени («Industrial Revolution») (Bar-Yosef 1994: 50-57; 1996: 180-183). Особый импульс новым дискуссиям по переходу от среднего к верхнему палеолиту и происхождению *Homo sapiens* в последние 10 — 15 лет придали разработки генетиков, в соответствии с которыми *Homo sapiens* появляется как новый вид человека в Южной Африке не менее чем 100 000 лет тому назад и постепенно распространяется по планете, замещая («replacement model») существовавшие и предшествовавшие им здесь (в Европе и Западной Азии — неандертальцев) коллективы людей «архаичных» видов (Cann, Stoneking and Wilson, 1987). Развернувшиеся по этим выводам дискуссии среди антропологов носят достаточно противоречивый характер и ученые здесь, в принципе, разделились на сторонников точки зрения генетиков (см., например, Stringer, 1989; 1994) и ожесточенных противников такой позиции (см., например, Wolpoff, 1989; Wolpoff and Caspari, 1996). Не могли и не могут остаться в стороне здесь и археологи, так как именно они исследуют остатки материальной культуры людей палеолита — фактологический базис по определению различных «стилей жизни». В основном по проблемам переходного периода от среднего к верхнему палеолиту существуют следующие подходы к их анализу. Одни специалисты рассматривают и описывают их в контексте глобального территориального масштаба (см.,

например, Mellars, 1989; 1996). Другие археологи больше акцентируют свои исследования на региональных проблемах (см., например, Valoch, 1990; Marks, 1983). Третьи (см., например, Bar-Yosef, 1992; 1994; 1996; Bar-Yosef et al., 1995; Kozłowski, 1988; 1990; Otte and Keeley, 1990) на основе конкретных региональных разработок генерируют идеи по решению общих проблем. В последнее время популярной «панацией» решения проблем возникновения локальных технокомплексов верхнего палеолита в Европе (например, шательперрона, селета, улуццо) является т. н. модель аккультурации («acculturation model»), соответствующая как раз новым концепциям генетиков и сторонников К.Стрингера среди антропологов, по которой пришедшие в Европу (пока совершенно не ясно откуда) ориньякские *Homo sapiens* так повлияли на часть местных неандертальцев среднего палеолита, что в некоторых аспектах они быстро «перестроили» свой «стиль жизни» по ориньякским «современным стандартам» (Mellars 1989; 1996). Не вдаваясь в разбор данного подхода, хотелось бы отметить, что совершенно актуальной здесь представляется необходимость в очень конкретных обоснованиях такой «модели объяснения», а не просто в подчас ее «автоматическом» использовании, на что справедливо указывает ряд специалистов (например, d'Errico et al., 1998; Zilhao and d'Errico, 1999). Именно в аспекте конкретики исследований переходного периода от среднего к верхнему палеолиту особенно важными являются комплексы среднего палеолита с некоторыми верхнепалеолитическими индустриальными характеристиками и комплексы верхнего палеолита со среднепалеолитическими технико-типологическими элементами. Одним из наиболее интересных примеров последнего типа индустрий являются комплексы находок нижнего слоя раскопок 1920-х гг. (пачки горизонтов «G» и горизонта «H» раскопок 1990-х гг.) навеса Сюрень I в Крыму. Настоящая статья как раз и посвящается детальному выяснению значения и роли среднепалеолитических изделий в археологической колонке комплекса нижних верхнепалеолитических горизонтов данного памятника.

НАВЕС СЮРЕНЬ-1 И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЕГО АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК

Вполне можно утверждать, что навес Сюрень I входит в «золотой фонд» каменного века Крыма. Этот большой (в ширину — 43 м, в глубину — 15 м и в высоту — 9-10 м) с южной экспозицией навес, расположенный прямо возле шоссе Бахчисарай — Ялта, на окраине с. Танковое (бывшее Бюк-Сюрень), приблизительно в 13 км к югу от Бахчисарая, на правом берегу р. Бельбек восточного склона Бельбекского ущелья (т. н. «Бельбекских Ворот» — вто-

рая гряда Крымских гор в Юго-Западном Крыму), был обнаружен и впервые исследован в 1879 — 1880 гг. на площади около 60 кв. метров в центральной части близ его задней стенки (рис. 1) первооткрывателем каменного века Крыма К.С. Мережковским. В то время Сюрень I была определена как двухслойная стоянка каменного века, но вследствие недостаточной информативности публикаций и ряда противоречивых данных (в частности, по фауне) (см. Бонч-

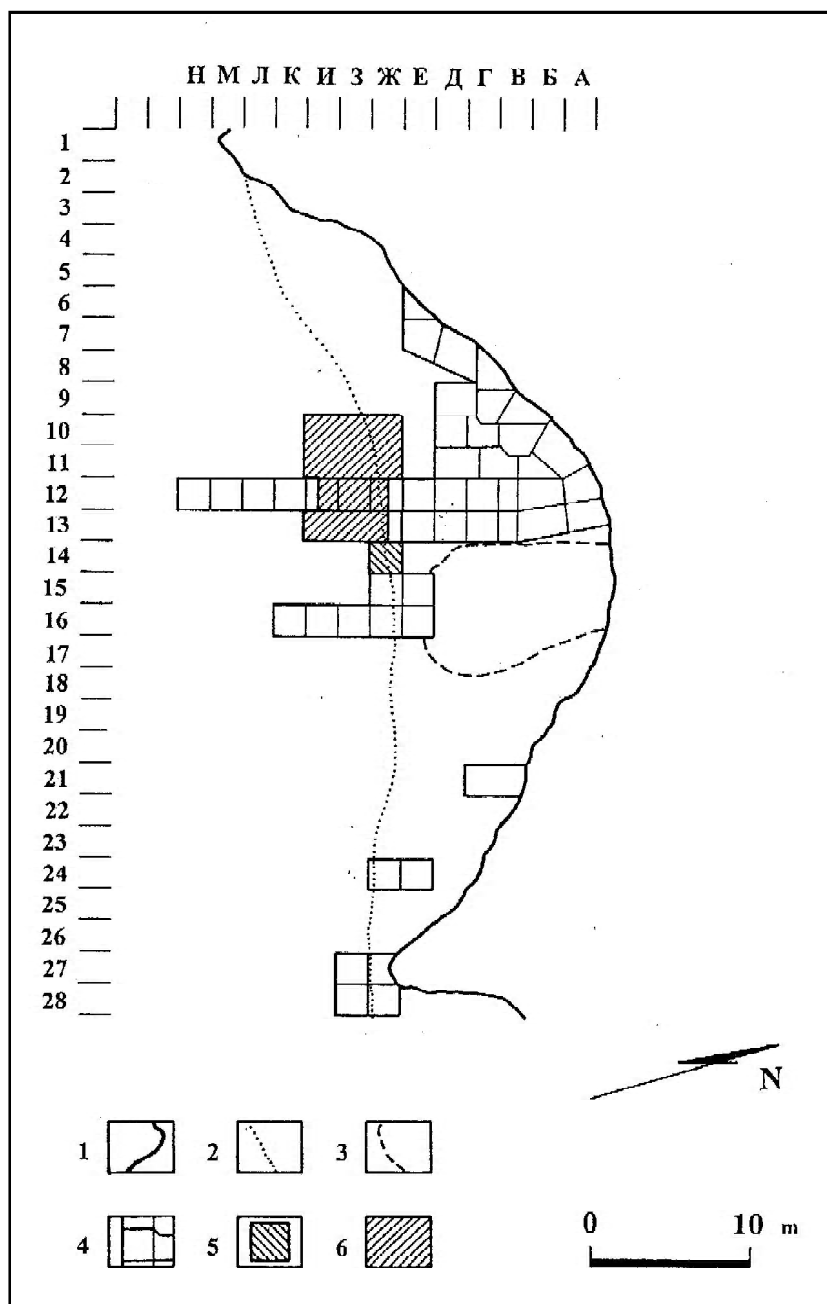

Рис. 1. Сюрень-1. План раскопок навеса. 1 - задняя стенка навеса. 2 - капельная линия. 3 - раскоп К.С. Мережковского. 4 - раскопы Г.А. Бонч-Осмоловского. 5 - зачистки и раскопы 1994 - 1997 гг. 6 - раскоп Л.М. Тарасова.

Осмоловский 1934: 119) воспринималась долгое время как сомнительный памятник. Только широкомасштабные (общая раскопанная площадь около 120 кв. м) и комплексные исследования Сюрени I, проведенные Г.А. Бонч-Осмоловским в 1926 — 1929 гг. (рис. 1), и последующая публикация добытых материалов (Бонч-Осмоловский 1934; Векилова 1957) по-настоящему ввели данный памятник палеолита Крыма в научный оборот и показали его значение. Определенные в ходе раскопок 1920-х гг. три культурных слоя с рядом очажных горизонтов в каждом из них (рис. 2) были идентифицированы как верхнепалеолитические и интерпретированы или как представляющие собой три эпизода заселения навеса носителями тра-

диций ориньяка (Бонч-Осмоловский 1934), или как демонстрирующие всю культурно-хронологическую последовательность развития верхнего палеолита Крыма (Векилова 1957). Оставаясь до самого последнего времени единственным многослойным верхнепалеолитическим памятником с многочисленными археологическими и фаунистическими находками в Крыму, Сюрень I, естественно, являлась ключевой стоянкой по всем вопросам верхнего палеолита полуострова и одним из опорных памятников по изучению верхнего палеолита Северного Причерноморья в целом.

В ходе начавшихся в начале 1990-х гг. новых комплексных исследований палеолита Крыма (Marks and Chabai 1998) наличие, по

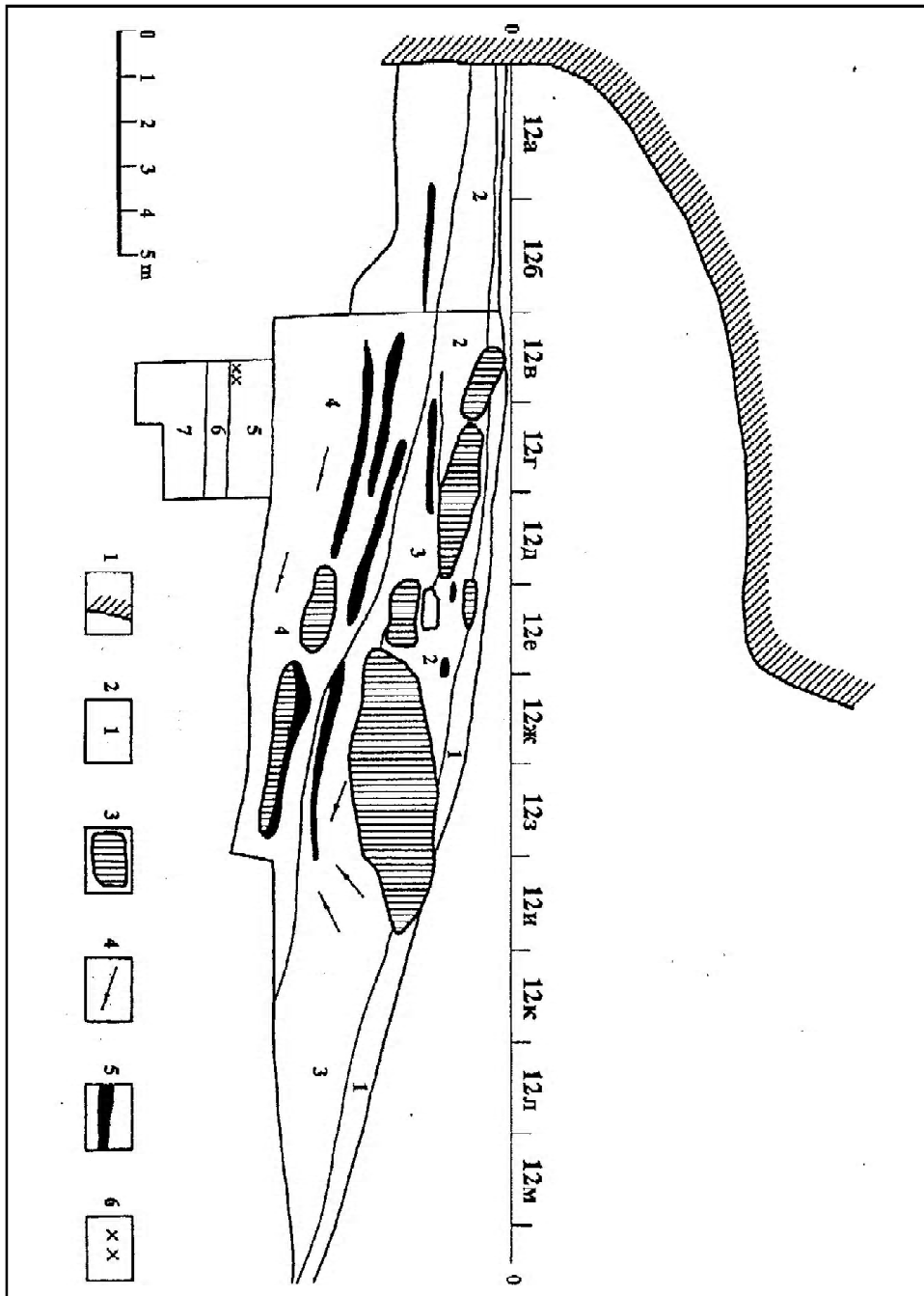

Рис. 2. Сурень-I. Стратиграфический разрез раскопок Г.А. Бонч-Осмоловского 1926 - 1927 гг. по восточной стороне траншеи линии квадратов 12 - А-Н /по Е.А. Векиловой, 1957: Рис. 4 на с. 240/. 1 - задняя стенка навеса. 2 - порядковые номера литологических слоев (2 - Верхний культурный слой, 3 - Средний культурный слой, 4 - Нижний культурный слой). 3 - крупные блоки и плиты известняка - обвалы потолка навеса. 4 - направление падения крупных блоков и плит известняка. 5 - очажные прослойки. 6 - находки костей мамонта в археологически стерильных седиментах литологического слоя 5.

крайней мере, некоторых ориньякских характеристик индустрий нижнего и среднего слоев стоянки, а также присутствие среднепалеолитических типов артефактов в нижнем слое не могло остаться без внимания, так как только данные индустрии Сурени I в верхнем палеолите Крыма могли быть привлечены для дальнейшей разработки проблем переходного периода от среднего к верхнему палеолиту. Су-

ществовавшие различные и зачастую противоречивые мнения и по хронологии, и по индустриальной интерпретации этих 2-х нижних слоев Сурени I (см. также Громов 1948; Иванова 1969, 1983; Рогачев, Аникович 1984; Kozłowski 1965; Hahn 1977; Anikovich 1992), безусловно, свидетельствовали о невозможности использования в настоящее время данных только по раскопкам К.С. Мережковского и Г.А. Бонч-Ос-

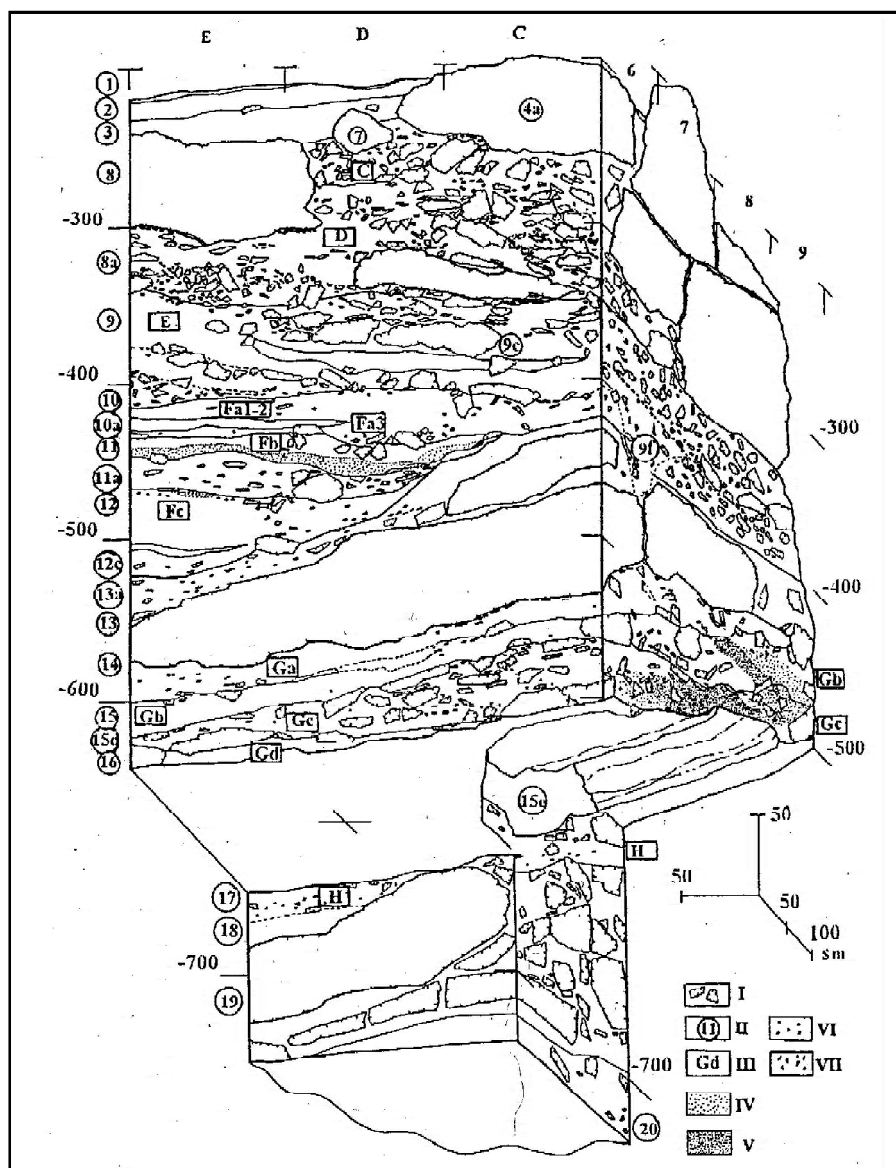

Рис. 3. Сюрень-1. Стратиграфические разрезы III, IV, VI, VII («кабинетная проекция») раскопок 1995 - 1996 гг. на площади квадратов Ж-10, 11 по плану навеса Г.А. Бонч-Осмоловского (I - блоки и плитки известняка, II - номера литологических слоев, III - обозначения археологических горизонтов и пачек горизонтов, IV - линзы пепла, V - очаги / кострища, VI - кремневые артефакты, VII - угольки).

моловского, и поэтому было необходимо предпринять новые исследования навеса.

Эти новые исследования Сюрени I были осуществлены в 1994-1997 гг. в рамках совместного Украинско-Бельгийского проекта по изучению палеолита Крыма. Раскопки проведены на площади в 12 кв. м. в западной части навеса близ тех квадратов раскопок Г.А. Бонч-Осмоловского, которые характеризовались наибольшей концентрацией находок нижнего и среднего слоев (рис. 1). Принятая в ходе исследований 1990-х гг. новая номенклатура обозначения культурных остатков стоянки в виде выделенных стратиграфически пачек горизонтов (рис. 3) следующим образом коррелируют с тремя культурными слоями раскопок 1920-х гг. Пачки горизонтов «А» — «Е» соотносятся с верх-

ним слоем. Пачка горизонтов «F» (4 горизонта — «Fa1-Fa2», «Fa3», «Fb1-Fb2», «Fc») сопоставима со средним слоем. Пачка горизонтов «G» (4 горизонта — «Ga», «Gb1-Gb2», «Gc1-Gc2», «Gd») соответствует нижнему слою. Еще один горизонт — «H» — не имеет стратиграфических аналогов по предыдущим исследованиям стоянки. Залегал он под массивной плитой известняка, которая подстилала нижний слой раскопок Г.А. Бонч-Осмоловского, но в то же время по своему археологическому контексту вполне сопоставим с находками нижнего слоя 1920-х гг. (пачки горизонтов «G» 1990-х гг.)

В настоящее время по результатам раскопок 1990-х гг. и данным исследований 1879 — 1880 гг. и 1920-х гг. верхнюю археологическую колонку Сюрени I представляется обоснов-

ванным рассматривать в виде нижеследующей (сверху — вниз) культурно-хронологической последовательности эпизодов заселения навеса в каменном веке.

1. Финальнопалеолитический эпизод «крымского азиля» — Шан-Кобинской индустрии (аллеред — около 11 800 — 10 800 лет назад), представленный двумя отдельными «пятнами» находок 1-го и 2-го горизонтов верхнего слоя 1920-х гг: западным — квадраты 8, 9 — В, Г и 10, 11 — Г (около 8 кв. м) и восточным — квадраты 24 — Е, Ж (около 8 кв. м).

2. Верхнепалеолитический эпизод эпиграветтской индустрии (около 20 000 — 15 000 лет назад), представленный находками 2-го горизонта верхнего слоя 1920-х гг. и артефактами пачки горизонтов «А» и некоторыми орудиями из «гумусных отложений» 1990-х гг.

3. Верхнепалеолитический эпизод граветтской индустрии (около 24 000 — 20 000 лет назад) — находки 3-го горизонта верхнего слоя 1920-х гг. и артефакты горизонта «D» 1990-х гг.

4. Верхнепалеолитический эпизод индустрии позднего ориньяка типа Кремс-Дюфур (около 27 000 лет назад) — часть стратиграфически нижних находок 3-го горизонта верхнего слоя 1920-х гг. и артефакты горизонта «Е» 1990-х гг.

Стратиграфически ниже расположенные горизонты среднего слоя 1920-х гг. (пачки «F» 1990-х гг.) являются индустриально гомогенными и, с этой точки зрения, правомерным было суммарное объединение и Г.А. Бонч-Осмоловским, и Е.А. Векиловой материалов т. н. «горизонтов взятия» среднего слоя в один комплекс находок. По современным определениям этот верхнепалеолитический эпизод представляет индустрию позднего ориньяка типа Кремс-Дюфур (Demidenko et al. 1998; Демиденко 1998; 1999) без каких-либо среднепалеолитических типов изделий. Полученная AMS дата для горизонта «Fb1-Fb2» в $29\,950 \pm 700$ В. Р. (OxA-5155) (Pettitt 1998: 331), отсутствие индикативных холодолюбивых видов и показатели умеренного климата по фаунистическим и микрофаунистическим данным (Lopez Vaun 1998; К. Маркова, личное сообщение), а также индустриальные аналогии в рамках европейского ориньяка типа Кремс-Дюфур равно позволяют предполагать хронологическую корреляцию этих комплексов находок Сюрени-I и с интерстадиалом Арси (около 31 500 — 30 000 лет назад), и с интерстадиалом Мезьер (около 29 300 — 27 000 лет назад).

Самые нижние культуросодержащие отложения Сюрени I 1990-х гг. — пачка горизонтов «G» и горизонт «H», также как и индустрия нижнего слоя 1920-х гг., характеризовались наличием типично среднепалеолитических типов артефактов в верхнепалеолитических по своим технико-типологическим характеристикам индустриях. Единственное исключение в

этом плане — стратиграфически самый верхний горизонт пачки «G» — «Ga», в котором отсутствовали эти «архаичные формы». Принимая во внимание общую немногочисленность находок этого горизонта, отсутствие в нем каких-либо очагов/кострищ и/или линз пепла, столь характерных для остальных горизонтов пачки «G» и горизонта «H», а также его стратиграфическое положение в серо-желтом песчаном слое — продукте разложения вышележащих крупных плит известняка (3-го горизонта обвала навеса), наиболее вероятным будет суждение о нем, не как об отдельном горизонте обитания людей палеолита данной части археологической колонки памятника, а как о вероятном не комплектном по находкам стратиграфическом верхнем уровне ниже залегающего горизонта «Gb1-Gb2». Таким образом, налицо проблема интерпретации нахождения отдельных среднепалеолитических типов изделий в очажных горизонтах и нижнего слоя 1920-х гг., и пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг., являющихся по основной массе находок, безусловно, верхнепалеолитическими. Абсолютные даты (AMS) здесь следующие: горизонт «Ga» — $28\,450 \pm 600$ В. Р. (OxA-5154) и горизонт «H» — $28\,200 \pm 400$ В. Р. (OxA-8249) (Pettitt 1998: 331; П. Петтит, личное сообщение). Эти даты практически аналогичны выше приведенной дате для горизонта «Fb1-Fb2», также как и фаунистические, и микрофаунистические показатели не холодолюбивых видов умеренного климата (Lopez Vaun 1998; К. Маркова, личное сообщение), что позволяет предполагать близкую геохронологическую позицию и для среднего слоя 1920-х гг. пачки горизонтов «F» 1990-х гг., и для нижнего слоя 1920-х гг./пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг.

По данным раскопок 1920-х гг., все без исключения специалисты рассматривали комплекс находок нижнего слоя Сюрени I как безусловно индустриально гомогенный. Можно отметить только следующие нюансы по отношению к среднепалеолитическим типам изделий здесь. С одной стороны, сторонники ориньякской атрибуции (например, Kozlowski 1965; Nahn 1977) просто не обращали никакого специального внимания на них, скорее всего, считая их каким-то незначительным «индустриальным шумом». С другой стороны, сторонники не-ориньякской атрибуции (например, Векилова 1957; Рогачев, Аникович 1984; Anikovich 1992), напротив, придавали им особое значение и поэтому рассматривали нижний слой Сюрени-I как ранний верхнепалеолитический в контексте переходного периода от среднего к верхнему палеолиту в Крыму. Г.А. Бонч-Осмоловский (1934) как бы стоял у истоков этих двух тенденций, так как рассматривал индустрию нижнего слоя и как ориньякскую, и как имеющую местную мустьерскую ин-

дустриальную подоснову в Крыму.

В первой предварительной детальной публикации по раскопкам 1994-1996 гг. и с учетом данных 1920-х гг. (Demidenko et al., 1998) был, в принципе, повторен подход Г.А. Бонч-Осмоловского. Находки нижнего слоя 1920-х гг./пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг. были определены, как индустриально относящиеся к европейскому ориньяку типа Кремс-Дюфур, а различные среднепалеолитические артефакты были признаны зафиксированными в 4-х археологических очажных горизонтах. До завершения раскопок в полевом сезоне 1997 г. было решено никаких определенных выводов по «среднепалеолитическому компоненту» данного комплек-

са находок Сюрени I не делать.

Однако время пришло, и никуда от этой проблемы не деться. Дело ведь не просто в том, что здесь имеются «какие-то скребла и остроконечники», а в том, что это действительно серийный инвентарь, имеющий четкие индустриальные аналогии в среднем палеолите Крыма. Такое нахождение среднепалеолитических изделий в нижних ориньякских комплексах находок Сюрени I справедливо полагать своего рода «крымской загадкой», и по солидной фактологической базе данных раскопок 1879-1880 гг., 1926-1929 гг. и 1994-1997 гг. необходимо все-таки его комплексно проанализировать и попробовать интерпретировать.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПРОБЛЕМЫ «КРЫМСКОЙ ЗАГАДКИ»

Как представляется, наиболее объективным будет начать анализ этой проблемы с т. н. «нулевого уровня» — без какого-то уже выбранного одного пути ее решения. Ведь, в самом деле, существует несколько различных объяснений «среднепалеолитической проблемы» Сюрени I, и каждое из них заслуживает быть рассмотренным. Таким образом, представляется целесообразным использовать здесь метод «альтернативных гипотез» (Платт 1965) и проанализировать одно за другим несколько исключающих друг друга предположений. Метод «альтернативных гипотез» редко применяется при анализе проблем археологии палеолита, хотя когда он используется (например, Gladilin and Sitliviy 1987; d'Errico et al. 1998), полученные выводы бывают очень убедительны.

Для продуктивного выдвижения и анализа возможно большего числа альтернативных гипотез по проблеме «крымской загадки» желательнее отказаться от следующего фундаментального предположения, служившего базисом для всех предыдущих попыток интерпретаций по данному вопросу, а именно — рассматривать совместное нахождение среднепалеолитических и верхнепалеолитических артефактов в одних и тех же нижних культурных слоях Сюрени I как представляющее материальные остатки заселений навеса одними и теми же коллективами людей с едиными традициями обработки и использования кремня. Далее, альтернативные гипотезы можно сгруппировать «тематически» по **природным и антропогенным (т.н. культурным) факторам**, которые могли стать причинами нахождения среднепалеолитических артефактов в верхнепалеолитических/ориньякских археологических горизонтах Сюрени I и их кремневых комплексах.

Естественно будет начать конкретный анализ с гипотез по **природным факторам**, так как именно такие факторы в первую очередь должны рассматриваться для стоянок и комплексов находок с т. н. «гетерогенными индуст-

риальными характеристиками».

ГИПОТЕЗА № 1. *Среднепалеолитические типы артефактов нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг. Сюрени I происходят из стратиграфически отдельного культурного слоя или, скорее, горизонта, находящегося в рассматриваемой колонке отложений стоянки или между другими, но уже верхнепалеолитическими/ориньякскими горизонтами, или в самой нижней стратиграфической позиции в ней.*

Здесь, прежде всего, хотелось бы отметить, что данная гипотеза была основной для нашей команды исследователей Сюрени I перед началом новых раскопок памятника в 1994 г. На первый взгляд, опубликованные стратиграфические разрезы стоянки раскопок 1920-х гг. (Бонч-Осмоловский 1934; Векилова 1957; рис. 2) определенно позволяли предполагать такую возможность. Принимая во внимание присутствие как стратиграфически четких 3-х очажных горизонтов в отложениях нижнего слоя, так и очень многочисленных верхнепалеолитических/ориньякских изделий, среди которых было зафиксировано только 5 нуклеусов и 40 орудий среднепалеолитических типов при общем количестве всех кремневых артефактов около 15 500 предметов, включая 43 нуклеуса и около 810 орудий, по подсчетам Е.А. Векиловой, предположение о наличии среднепалеолитического горизонта с т. н. «эфмерными характеристиками поселения» и, соответственно, с очень ограниченным количеством находок является отнюдь не неожиданным. Более того, именно вероятность существования такого «среднепалеолитического эфмерного горизонта» могла бы объяснить, почему этот горизонт не был определен Г.А. Бонч-Осмоловским в ходе раскопок 1920-х гг.

Эта гипотеза № 1 не нашла никаких подтверждений в новых данных раскопок 1990-х гг. Как горизонт «Gd» (нижний из пачки горизонтов «G»), так и новый горизонт «H» (в настоящее время самый нижний стратиграфически

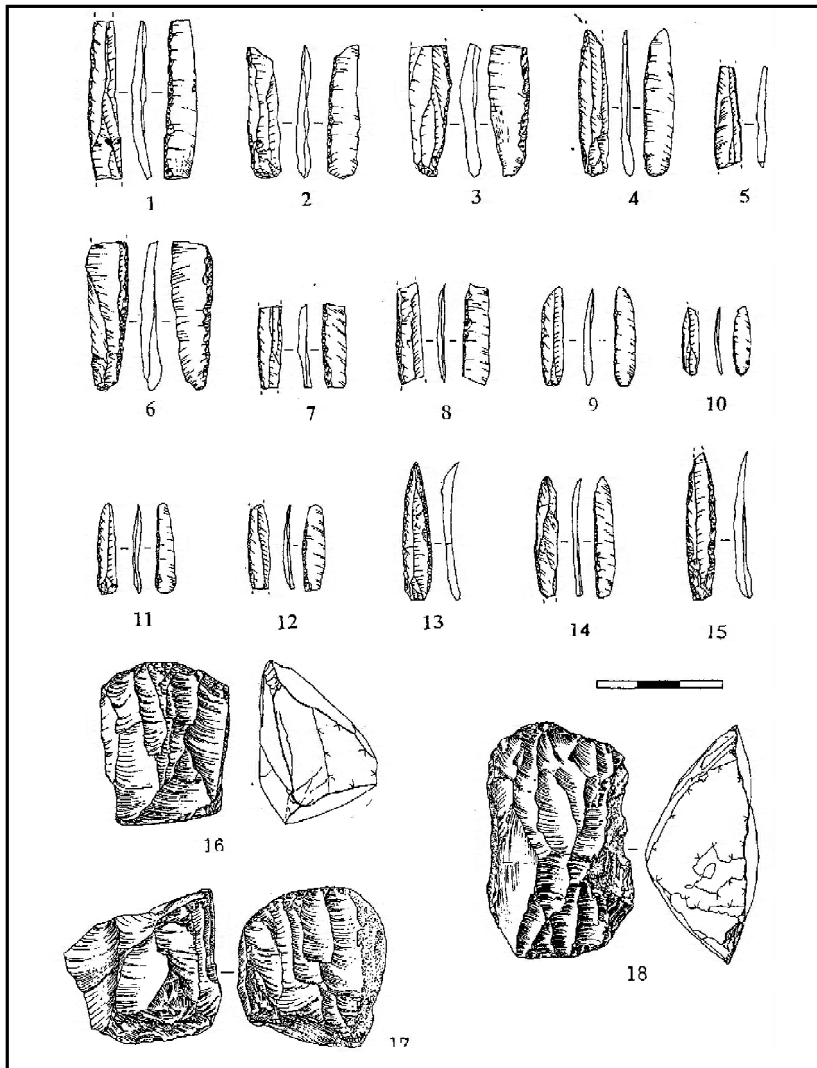

Рис. 4. Сюрень-1. Кремневые изделия индустрии Раннего Ориньяка типа Кремс-Дюфур раскопок 1990-х гг.: 1 - 15 - «не-геометрические микролиты», 16 - 18 - «кареноидные» нуклеусы (1 - 16 - горизонт «Н», 17 - горизонт «Gd», 18 - горизонт «Gc1-Gc2»).

археологический горизонт Сюрени I) не являются среднепалеолитическими. Горизонты «Gd» и «Н», в основном, повторяют уже известное для нижнего слоя 1920-х гг. присутствие всего нескольких среднепалеолитических артефактов среди намного более многочисленных изделий верхнепалеолитических типов. Таким образом, по части предположения о существовании среднепалеолитического горизонта в основании колонки отложений Сюрени I гипотеза № 1 не подтверждается. В тоже время, два других очажных горизонта пачки «G» («Gc1-Gc2», «Gb1-Gb2») также характеризуются приблизительно такой же пропорцией среднепалеолитических и верхнепалеолитических типов орудий в их инструментариях. Конкретные показатели встречаемости среднепалеолитических типов в орудийных наборах этих 4-х горизонтов (рис. 7; 8, 1-2) следующие: горизонт «Н» — 3 изделия среди 67 кремневых орудий (4,5%); горизонт «Gd» — 1 изделие среди 75 кремневых орудий (1,3%); горизонт «Gc1-Gc2» — 13 изделий среди 208 кремневых орудий

(6,3%); горизонт «Gb1-Gb2» — 3 изделия среди 71 кремневого орудия (4,2%). Конечно, выше приведенные количественные показатели среднепалеолитических типов орудий могут быть дополнены характерными сколами обработки и переоформления среднепалеолитических типов орудий — 7 предметов в горизонте «Н», 3 предмета в горизонте «Gd», 8 предметов в горизонте «Gc1-Gc2», 4 предмета в горизонте «Gb1-Gb2» (рис. 8, 3-10), хотя использование их в еще одних процентных калькуляциях по отношению к общему количеству только орудий в каждом горизонте не было бы методически корректным. Кстати, несмотря на минимальные статистические рамки между 1,3% и 6,3% по среднепалеолитическим типам орудий в инструментариях этих 4-х горизонтов, самая низкая пропорция этих типов артефактов в нижнем горизонте пачки «G» («Gd») примечательна, в свете того, что именно этот горизонт «Gd» является наиболее вероятным стратиграфическим аналогом самого нижнего очажного горизонта нижнего слоя 1920-х гг., кото-

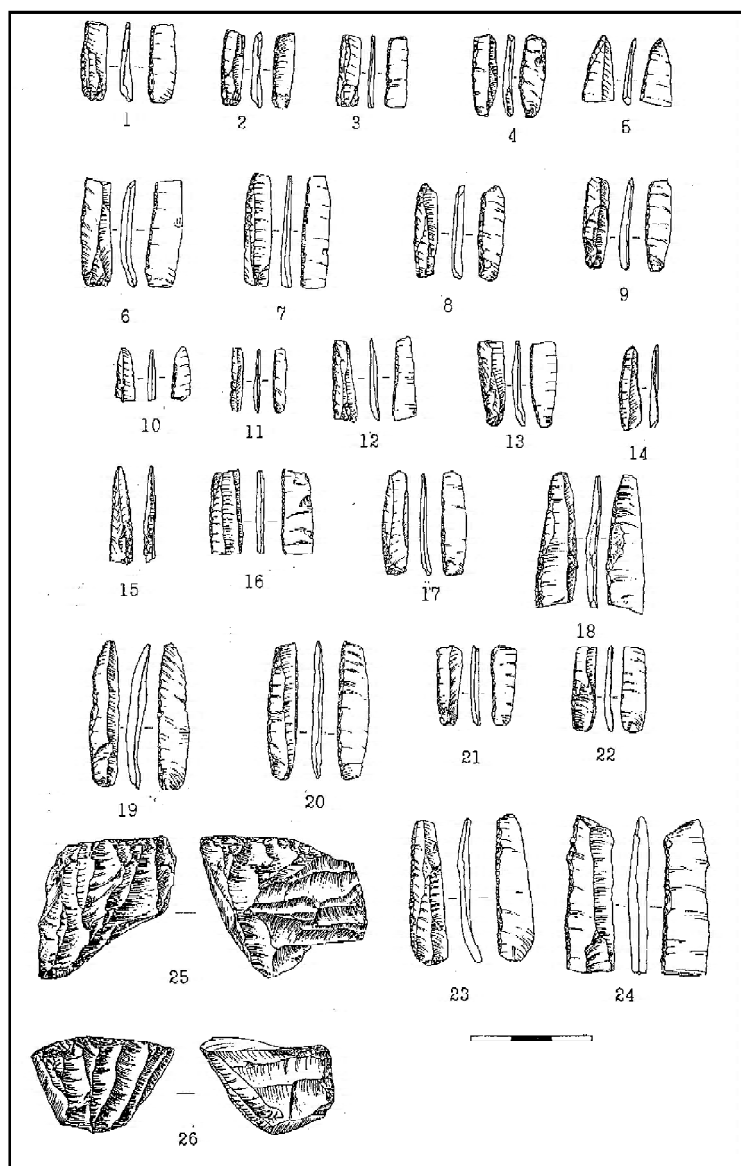

Рис. 5. Сюрень-1. Кремневые изделия индустрии Раннего Ориньяка типа Кремс-Дюфур раскопок 1990-х гг.: 1 - 24 - «негеометрические микролиты», 25 - 26 - «кареноидные» нуклеусы (1 - 9, 15 - 18, 23, 25 - 26 - горизонт «Gc1-Gc2», 10 - 13 - горизонт «Gb1-Gb2», 14 - горизонт «Ga», 19 - 22, 24 - горизонт «Gd»).

рый и был первоначально «под подозрением» как среднепалеолитический. Количественные данные по среднепалеолитическим артефактам пачки горизонтов «G» и «H» 1990-х гг. соответствуют наблюдениям М.В. Аниковича (Anikovich 1992: 224) о «... приблизительно одинаковых пропорциях среднепалеолитических и верхнепалеолитических типов» в колонке «раскопчных горизонтов взятия» нижнего слоя 1920-х гг., что позволяет полностью отвергнуть идею о существовании «независимого» среднепалеолитического горизонта в отложениях нижнего слоя 1920-х гг. / пачке горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг.

ГИПОТЕЗА № 2. Среднепалеолитический горизонт и несколько верхнепалеолитических/ориньякских горизонтов действительно существовали в колонке отложений нижнего слоя 1920-х гг. / пачке горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг. Сюрени I, но они планиграфически значительно отлича-

ются, представляя собой два отдельных пятна распространения среднепалеолитических и верхнепалеолитических находок в пределах общей большой раскопанной площади навеса в приблизительно 160 кв. метров, суммируя вместе исследования 1879-1880 гг. (около 60 кв. м), 1926-1929 гг. (около 85 кв. м) и 1994-1997 гг. (12 кв. м).

В основном, данные, привлекавшиеся для анализа гипотезы № 1, вполне могут быть еще раз использованы как аргументы, противоречащие гипотезе № 2. Действительно, для раскопанной в 1990-х гг. площади в 12 кв. м. 3-х очажных горизонтов пачки «G» и горизонта «H» характерно присутствие и среднепалеолитических, и верхнепалеолитических артефактов. Следовательно, гипотеза № 2 не соответствует данным последних исследований Сюрени I. Обратимся теперь к планиграфическим данным по встречаемости среднепалеолитических и верхнепалеолитических типов нуклеусов и орудий

на площади нижнего слоя 1920-х гг. Г.А. Бонч-Осмоловский не представил никаких конкретных данных по этому вопросу в своих публикациях, просто констатируя совместное нахождение среднепалеолитических и верхнепалеолитических артефактов в нижнем слое (Бонч-Осмоловский 1934). Приблизительно через 60 лет после Г.А. Бонч-Осмоловского, М.В. Аникович также ограничился подобной констатацией (Anikovich 1992). Е.А. Векилова (1957: 270) тоже просто отмечала присутствие и среднепалеолитических, и верхнепалеолитических типов нуклеусов и орудий в нижнем слое Сюрени I при анализе «мустьерских форм». Вместе с тем, в ее описании хода раскопок Г.А. Бонч-Осмоловского есть по этому вопросу очень важное примечание о совместном нахождении в западной части навеса (кв. 10-Б, 11-В, 12-А, Б) нижнего слоя таких находок как «...просверленные раковины *Aporrhais pes-pelicanii*, костяные острия и типичный для этого слоя комплекс орудий из кремня, состоящий из резцов, скребков, пластинок с противоположающей и притупляющей ретушью, орудия мустьерского облика. В этом же слое на уч. 11-В была зарегистрирована очень важная находка — зуб человека» (Homo sapiens — Ю. Д.)» (Векилова 1957: 239). Таким образом, есть, по крайней мере, один задокументированный факт о действительном нахождении на одном участке среднепалеолитических и верхнепалеолитических артефактов на исследованной в 1920-х гг. площади нижнего слоя. Если добавить к этому факту также общее убеждение всех специалистов о совместной встречаемости этих типов изделий на одних и тех же раскопанных участках нижнего слоя (около 85 кв. м), то необходимо опять, как и для участка в 12 кв. м раскопок 1990-х гг., отвергнуть гипотезу №2 и для этих площадей памятника. Но остается еще для анализа и около 60 кв. м данных культурных отложений Сюрени I, раскопанных К.С. Мережковским в 1879-1880 гг. Именно этот большой центральный участок возле задней стенки навеса характеризуется полным отсутствием каких бы то ни было среднепалеолитических артефактов, тогда как такие типичные для нижнего слоя 1920-х гг./пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг. верхнепалеолитические/ориньякские кремневые орудия как 5 кареноидных скребков, 18 пластинок с альтернативной ретушью и 1 долотовидное орудие отмечены там (Векилова 1957: 285-286). Возможные предположения о присутствии среднепалеолитических артефактов в коллекции нижнего слоя раскопок К.С. Мережковского (всего 1137 кремней, включая 111 орудий, по подсчетам Е.А. Векиловой), но их не идентифицированности не могут быть приняты. Дело в том, что Е.А. Векилова (1957: 284-286) классифицировала эти находки К.С. Мережковского в постоянном их сравнении с кремнями нижнего слоя 1920-х гг. и, конечно, если

бы несколько или даже только одна «мустьерская форма» была бы там, то, без сомнения, она бы ее отметила. Следовательно, получается, что значительная по площади часть рассматриваемых отложений навеса, изученная в 1879 — 1880 гг., характеризуется исключительно только верхнепалеолитическими/ориньякскими находками.

Суммируя все выше приведенные данные по анализу гипотезы № 2, необходимо признать их неоднозначные, двойственные результаты. С одной стороны, часть «внутренней» западной и центральной площадей навеса и также центральный участок в районе капельной линии (вместе около 100 кв. м) характеризуется удивительным «сосуществованием» среднепалеолитических и верхнепалеолитических артефактов. С другой стороны, «внутренняя» центральная часть навеса у его задней стенки (около 60 кв. м) содержит только верхнепалеолитические изделия. Таким образом, гипотеза № 2 находит только частичное подтверждение лишь для одного отдельного верхнепалеолитического/ориньякского пятна находок, тогда как другие, большие по площади участки стоянки совершенно не соответствуют «планиграфическому предположению» по раздельному нахождению среднепалеолитических и верхнепалеолитических находок в навесе. Невозможность принятия гипотезы № 2, тем не менее, не означает, что столь неоднозначные результаты ее анализа не должны привлекаться для рассмотрения других гипотез.

ГИПОТЕЗА № 3. *Среднепалеолитический горизонт действительно существовал в колонке отложений нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг., но был разрушен вследствие воздействия природных факторов — или процессами криотурбации, или эрозионными водными потоками, и поэтому среднепалеолитические артефакты найдены во всех археологических очажных горизонтах с верхнепалеолитическими / ориньякскими изделиями рассматриваемых культурных седиментов Сюрени I.*

Для анализа этой гипотезы № 3 необходимо стратиграфически подразделить данную колонку отложений на две части — (1) отложения нижнего слоя 1920-х гг. / пачка горизонтов «G» 1990-х гг. и (2) отложения горизонта «H» 1990-х гг. Такое подразделение объясняется совершенно четким разделением этих двух серий седиментов горизонтом крупных блоков известняка. Соответственно, упомянутые выше природные факторы по возможному разрушению археологических горизонтов могли быть различными или не одинаково влиять на эти серии отложений. Конечно, конкретный анализ гипотезы № 3 может быть проведен только для участка отложений навеса, исследованных в 1990-х гг., хотя есть и довольно определенные дан-

ные по сохранности седиментов и по раскопкам 1920-х гг.

Горизонт «Н» залегает стратиграфически между крупными блоками известняка 4-го и 5-го горизонтов обвала навеса, образно говоря, «запечатан как в консервной банке» с минимумом археологически стерильных седиментов выше и ниже его собственно культуросодержащих отложений (рис. 3). Три очажных горизонта пачки «G» («Gd», «Gc1-Gc2», «Gb1-Gb2») (помним здесь, что горизонт «Ga» наиболее вероятно верх горизонта «Gb1-Gb2»), также «запечатаны» между крупными блоками известняка — 3-м и 4-м горизонтами обвала навеса и здесь археологически стерильные седименты, разделяющие горизонты пачки «G», почти исключительно представлены тонкими горизонтами щебня и плиток известняка (рис. 3). Несмотря на возможные некоторые различия в сохранности этих двух серий отложений пачки горизонтов «G» и горизонта «Н», не было отмечено никаких видимых нарушений, вызванных криотурбацией, и также отсутствовали окатанные гальки, щебень и плитки известняка, как наиболее явные следы возможных эрозивных процессов и периодических водных потоков. Наличие отчетливых очагов/кострищ и/или линз пепла в каждом из рассматриваемых 4-х археологических горизонтов («Н», «Gd», «Gc1-Gc2», «Gb1-Gb2») также указывает на отсутствие каких-либо серьезных нарушений седиментов. В тоже время, как это иногда бывает, рассматриваемые возможные природные факторы, зачастую влияющие на сохранность отложений, и следы их воздействия, могут и не быть определены в ходе раскопок археологических стоянок (см., например, статьи в Goldberg et al., 1993), но даже и в таких случаях влияние этих природных факторов на сохранность как археологических и фаунистических находок, так и известнякового щебня/плиток должно быть как-то представлено.

Периодические водные потоки, могущие служить фактором эрозии отложений, обычно определяются также по значительной окатанности и/или заглаженности поверхности многих кремневых артефактов (дополнительно почти всегда патинированы), костей животных и щебня / плиток известняка. В основном, этот природный фактор известен для «настоящих» пещер с возобновляемыми карстовыми процессами, а также пещер, гротов и навесов, которые периодически заливались водой, вследствие поднятия уровня близлежащего к такой стоянке водоема — реки, озера, моря. Подобные разрушения отложений также часто происходят на участках под «дымоходами» пещер или в районах капельной линии пещеры или навеса/грота, когда периодические потоки воды с выше расположенного плато или прямо с козырька скального убежища размывают отложения. Случаи с карстовыми процессами и

«дымоходом» исключены для Сюрени I, так как это скальный навес/грот в самом традиционном понимании. Два других природных фактора теоретически возможны для Сюрени I. В этой связи сразу отметим, что щебень и плитки известняка в колонке отложений нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонта «Н» 1990-х гг. памятника характеризуются т. н. «свежей угловатой сохранностью краев», что признано еще со времени работы В.И. Громова (1948: 249-250) по стратиграфии Сюрени I. Кости животных также характеризуются хорошей сохранностью без каких-либо следов заглаженности и окатанности. Кремневые артефакты и среднепалеолитических, и верхнепалеолитических типов имеют одинаковую сохранность поверхности — только иногда с легкой патинизацией без каких бы то ни было случаев окатанности. Следовательно, такие природные факторы, как периодические водные потоки и эрозия седиментов, не характерны для рассматриваемой колонки отложений Сюрени I. Данный вывод находит убедительное подтверждение в сравнении безусловно инситуной сохранности седиментов нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонта «Н» 1990-х гг. со стратиграфически ниже залегающими археологически стерильными отложениями навеса. Последние как раз и характеризуются и по раскопкам 1920-х гг. (Векилова 1957: 242), и по раскопкам 1990-х гг. коричнево-желтой глиной, содержащей в вертикальном положении гальки и сильно окатанный известняковый щебень. Именно эта, достигающая 3-х метров по шурфам Г.А. Бонч-Осмоловского, археологически стерильная базовая часть отложений Сюрени I видимо постоянно заливалась водой во время частых половодий р. Бельбек и поэтому в то время такой большой навес не представлял собой удобный объект даже для краткосрочного его посещения и тем более какого-то регулярного обитания палеолитическими коллективами.

Процессы криотурбации, в дополнение к уже рассмотренным возможным характеристикам «изношенности» поверхности археологических и палеонтологических находок и щебня / плиток известняка, также обычно являются причиной «механического повреждения» данных объектов культуросодержащих отложений палеолитических стоянок, особенно четко прослеживаемого в виде значительного повреждения краев каменных артефактов. Такие криотурбационные «механические повреждения» каменных изделий хорошо изучены, в частности, по материалам пещерных палеолитических стоянок Венгрии, среди которых наиболее известна пещера Селета. Среди всех палеолитоведов, признающих влияние криотурбации на сохранность артефактов пещеры Селета, заслуживает особо быть отмеченным Ф. Оллсворт-Джонс, который наиболее полно

опубликовал все данные по этому вопросу (Allsworth-Jones 1986:83-99, 108-111 и см. также «sites stratigraphies» appendix). Литологический слой 4 пещеры Селета с нижним археологическим комплексом находок «раннего селета» определенно подвергся значительному разрушению процессами криотурбации. Кроме многочисленных сильно окатанных, заглаженных и специфически фрагментированных костей животных и щебня известняка, многие каменные артефакты имеют следы механического повреждения в виде псевдо-тронкированных краев и крутой альтернативной ретуши и особенно псевдо-зубчатых краев листовидных двусторонних острий. Автор настоящей статьи лично изучал многие из этих поврежденных криотурбацией изделий из пещеры Селета в Музее Отто Хермана г. Мишкольц (Венгрия) в 1991 г. во время проведения международной конференции «Les industries à pointes foliacées d'Europe Centrale», Полностью согласен с выводами Ф. Оллсворт-Джонса и за возможность конкретного изучения артефактов пещеры Селета искренне признателен А. Рингеру. Кстати говоря, непризнание «псевдо-зубчатого» повреждения криотурбацией многих листовидных двусторонних острий «раннего селета» пещеры Селета приводит к совершенно неверной интерпретации данного комплекса находок как имеющего «генетические» связи со средним палеолитом пещеры Шубаюк (например, Vertes 1960) или к предположению М.В.Аниковича (Grigorieva et Anikovitch 1991) о значительном индустриальном и даже культурном сходстве с ранней «селетоидной» индустрией стоянки Королево-II, комплекса II (Украинское Закарпатье) (Gladilin and Demidenko, 1989), где присутствие ряда листовидных двусторонних острий с извилистыми краями объясняется незавершенностью их изготовления и, соответственно, морфологическими характеристиками «бракованных полуфабрикатов» (Demidenko and Usik 1993; 1995). Возвращаясь теперь к характеристикам сохранности поверхностей щебня / плиток известняка, костей животных и особенно кремней нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг. Сюрени I, следует констатировать отсутствие каких бы то ни было следов их повреждения криотурбацией, что, безусловно, указывает на отсутствие здесь таких природных процессов.

Таким образом, гипотеза № 3, объясняющая присутствие отдельных среднепалеолитических артефактов во всех верхнепалеолитических / ориньякских очажных горизонтах возможным разрушением природными факторами среднепалеолитического горизонта в анализируемой колонке отложений памятника, не находит подтверждения ни в особенностях стратиграфии, ни в сохранности находок и поэтому должна быть отвергнута.

ГИПОТЕЗА № 4. Среднепалеолитичес-

кие артефакты известны практически во всех районах т. н. Большого Горного Крыма как по стратифицированным стоянкам, обнаруженным главным образом в навесах, гротах и пещерах, так и по подъемному материалу, или происходящему из разрушенных стоянок открытого типа, навесов и гротов, или зафиксированному в виде отдельных находок на различных плато и склонах куэст. Принимая это во внимание, а также расположение близ Сюрени I ряда среднепалеолитических стоянок (например, Староселья), нельзя исключить ситуацию, когда отдельные среднепалеолитические кремни могли оказаться в нижних верхнепалеолитических/ориньякских культуросодержащих отложениях Сюрени I вследствие их сноса/смыва с плато, расположенного над навесом, и именно поэтому эти среднепалеолитические изделия и зафиксированы планиграфически преимущественно на участках вокруг капельной линии навеса — под краями его козырька.

Правдоподобность этой гипотезы может быть проверена при строгом анализе следующих данных.

Во-первых, такой снос / смыв среднепалеолитических кремней должен был бы быть строго лимитирован временными рамками процессов седиментации только нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг., так как ни одного типологически убедительного среднепалеолитического изделия не было зафиксировано в археологических слоях и горизонтах, стратиграфически расположенных над анализируемой колонкой отложений памятника. Такой строго ограниченный во времени период сноса / смыва среднепалеолитических кремней в навес кажется очень маловероятным.

Во-вторых, среднепалеолитические кремни на плато, находившиеся, в любом случае, какое-то время под прямыми лучами солнца, под воздействием процессов дефляции, а также, безусловно, подвергнувшиеся каким-то повреждениям во время самого их сноса с плато в навес, должны были бы иметь следующие характеристики их поверхностей: патина, люстраж, выкрошенность и крутые сломы краев. Как известно, ни одна из этих, столь легко визуально определяемых характеристик, не известна для среднепалеолитических артефактов Сюрени I.

Наконец, находки сколов обработки и переоформления среднепалеолитических типов орудий в каждом из 3-х очажных горизонтов пачки «G» («Gd», «Gc1-Gc2», «Gb1-Gb2») и горизонте «H» раскопок 1990-х гг. с одними и теми же «свежими» характеристиками сохранности поверхностей, свойственными и самим среднепалеолитическим орудиям (рис. 7; 8), приводят к признанию несоответствия гипотезы № 4 реальным данным.

Таким образом, выше проведенный анализ нескольких гипотез по объяснению причин наличия среднепалеолитических артефактов в археологических очажных горизонтах нижнего слоя 1920-х гг. / пачки «G» и горизонте «H» 1990-х гг. вследствие воздействия, главным образом, **природных факторов**, привел к однозначно «нулевому результату» и поэтому теперь актуальным становится рассмотрение **антропогенных (т. н. культурных) факторов**.

ГИПОТЕЗА № 5. *Прежде всего, конечно, здесь необходимо вернуться к « эволюционной идее» Г.А. Бонч-Осмоловского (1934) и Е.А. Векиловой (1957) по отношению к «мустьерским формам» Сюрени-1 как «пережиточным элементам» крымских среднепалеолитических комплексов, послуживших вероятной индустриальной подосновой верхнепалеолитического комплекса нижнего слоя 1920-х гг. навеса. Иначе говоря, необходимо рассмотреть вероятность локального перехода от среднего к верхнему палеолиту в Крыму на материалах нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг. Сюрени 1 и среднепалеолитических индустрий Крыма, в котором среднепалеолитический компонент Сюрени 1 представлял бы собой некую «индустриальную связующую» такого переходного процесса.*

Для анализа этой гипотезы необходимо кратко резюмировать основные технико-типологические характеристики как верхнепалеолитического, так и среднепалеолитического индустриального компонента рассматриваемых археологических комплексов Сюрени 1, так как необходимо четко представлять себе какие собственно типы индустрий среднего и верхнего палеолита могли бы быть вовлечены в подобный переходный процесс.

Верхнепалеолитический индустриальный компонент нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг. Сюрени 1 технологически характеризуется доминирующим скалыванием пластинок и микропластин с «регулярных» и «кареноидных» нуклеусов, а также следующими основными типологическими показателями — немногочисленностью, но типичностью кареноидных скребков; серийностью простых плоских скребков, изготовленных, главным образом, на неретушированных пластинах; отсутствием кареноидных резцов и доминированием угловых и боковых типов резцов; наибольшей представительностью среди «негеометрических микролитов» (около 60% всех орудий) пластинок и микропластин «Дюфур» с альтернативной микро-чешуйчатой и/или микро-ступенчатой плоской и полу-крутой ретушью, присутствием «острый типа Кремс», долотовидных орудий, проколов и ретушированных пластин, при единичности среди последних изделий с т. н. «ориньякской ретушью» (рис. 4; 5; 6). Данный кремне-

вый инвентарь дополняется серийными костяными остриями и проколками, подвесками из ракушек моллюсков. По всем этим основным характеристикам данный верхнепалеолитический комплекс Сюрени 1 относится к раннему ориньяку типа Кремс-Дюфур Европы (Demidenko et al. 1998; Демиденко 1998; 1999), представленному следующими комплексами в Западной Европе — ориньяк «0» Перигора (Франция), южный средиземноморский «прото-ориньяк / ориньяк архаичный или примитивный с пластинками Дюфур» (Испания — Франция — Италия); в Центральной Европе — Кремс-Гундсштейг (Австрия) и ориньяк Баната (Румыния) и в Восточной Европе — Чулек-1 на Нижнем Дону и Каменноостская пещера в Прикубанье (Россия). Вместе с тем, этот верхнепалеолитический / ориньякский комплекс находок Сюрени 1 является совершенно уникальным в Крыму, не имея здесь никаких индустриальных аналогий и параллелей среди известных верхнепалеолитических комплексов.

Среднепалеолитический индустриальный компонент нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг. Сюрени 1 технологически характеризуется производством отщепов (что видно по пяти нелеваллуазским радиальным нуклеусам и отщеповым метрическим параметрам заготовок орудий), а также следующими показательными типологическими чертами — доминированием среди односторонних орудий различных конвергентных остроконечников и скребел (полу- и подтрапецевидных, треугольных и листовидных форм) с зачастую различными дорсальными и вентральными уточнениями (рис. 7, 1-7), наряду с присутствием ряда простых, двойных и поперечных скребел (рис. 7, 8-9), и серий двусторонних орудий (7 предметов из 60 орудий — 11,66%), обработанных в «плоско-выпуклой технике» (рис. 8, 1), трансформирующейся иногда в «двойно-выпуклую технику» при переоформлении (например, полулистовидное/треугольное острие с вогнутым основанием из горизонта «Gc1-Gc2» 1990-х гг. — рис. 8, 2). Двусторонние орудия характеризуются в основном такими же формами, какие доминируют среди односторонних конвергентных орудий. Примечательно преобладание небольших размеров (не более 4 см) как для односторонних, так и двусторонних орудий. Данный инструментарий дополняется характерными сколами обработки и переоформления среднепалеолитических типов орудий (23 предмета), определенными в кремневых коллекциях 1990-х гг. (рис. 8, 3-10). Морфологические особенности этих сколов убедительно свидетельствуют о производстве и переоформлении и двусторонних, и односторонних орудий среднепалеолитических типов на месте стоянки. Более того, преобдало именно переоформление орудий, тогда как собственно их производство фиксируется

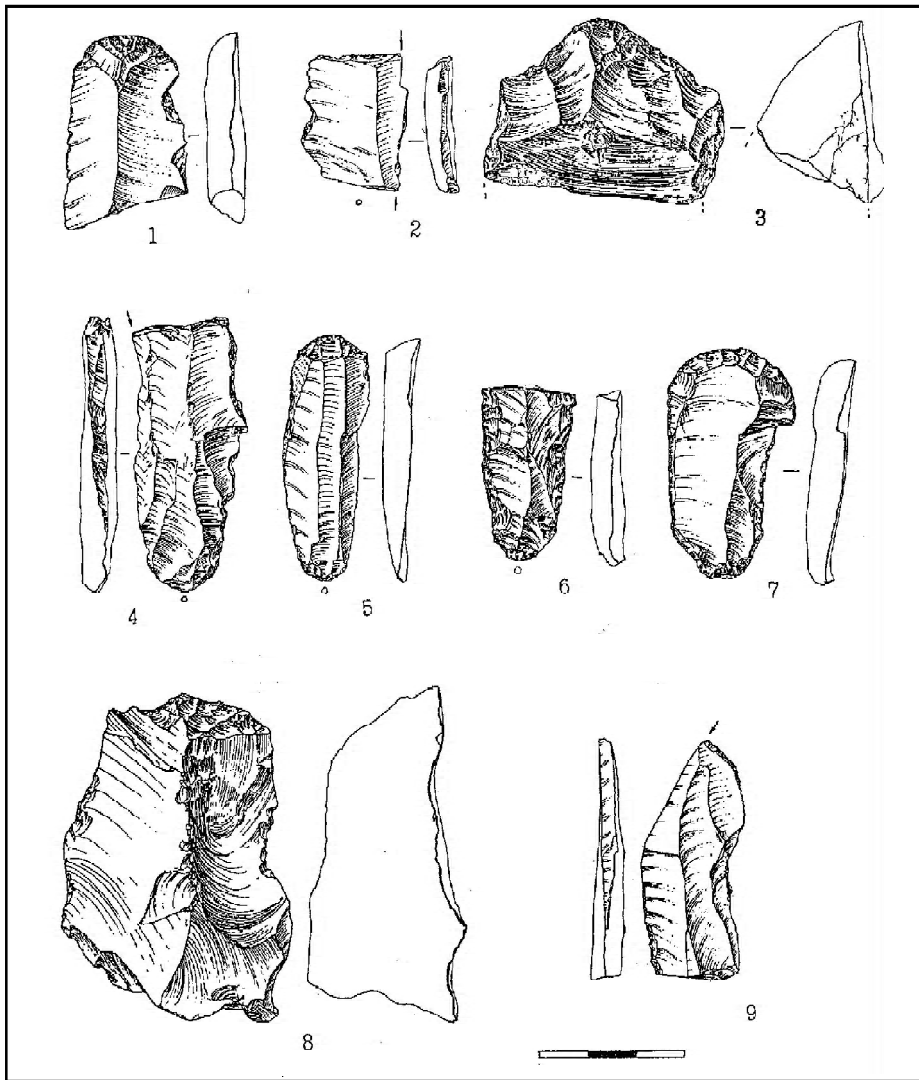

Рис. 6. Сюрень-І. Кремневые изделия индустрии Раннего Ориньяка типа Кремс-Дюфур раскопок 1990-х гг.: 1, 5, 7 - простые плоские скребки на пластинках, 2, 4 - угловые резцы, 3, 8 - высокие скребки «с плечиком», 6 - билатерально ретушированная пластина «с Ориньяцкого типа ретушью», 9 - боковой резец (1 - горизонт «Ga», 2 - 3 - горизонт «Gb1-Gb2», 4 - 6 - горизонт «Gc1-Gc2», 7 - горизонт «Gd», 8 - 9 - горизонт «H».

только по 3-м из всех 23 данных сколов — один отщеп оформления двустороннего орудия (горизонт «H») (рис. 8, 6) и 2 «простых» отщепа обработки с первичной коркой (горизонты «Gc1-Gc2», «Gb1-Gb2»), и также по еще одному отщепу оформления двустороннего орудия (рис. 7, 2), использованному в качестве заготовки полутрапециевидного дорсального скребла (горизонт «Gc1-Gc2»). Дополнительным свидетельством интенсивных процессов переформирования среднепалеолитических типов орудий служит наличие «костяных ретушеров» в нижнем слое 1920-х гг. — не менее 2-х экз. (Бонч-Осмоловский 1934: 149; Векилова 1957: 298-299) и в горизонте «Gc1-Gc2» 1990-х гг. — 2-а экз. Приведенные характеристики среднепалеолитического индустриального компонента Сюрени-І имеют самые прямые аналогии в комплексах среднепалеолитической крымской

микокской традиции — т. н. типах индустрий Ак-Кая, Киик-Коба и Староселье (см., Колосов и др. 1993; Marks and Chabai 1998). Таким образом, среднепалеолитические «пережиточные элементы» Сюрени І в соответствии с их основными технико-типологическими данными определенно указывают на своих «предшественников» в комплексах крымской микокской традиции в контексте «локального перехода от среднего к верхнему палеолиту».

Целесообразно здесь вспомнить мнения Г.А. Бонч-Осмоловского и Е.А. Векиловой о конкретных «крымских мустьерских предшественниках» индустрии нижнего слоя 1920-х гг. Сюрени І. Г.А. Бонч-Осмоловский (1934) не конкретизировал тип крымского мустье по данной проблематике. Е.А. Векилова (1957: 313-314) предполагала, что среднепалеолитические

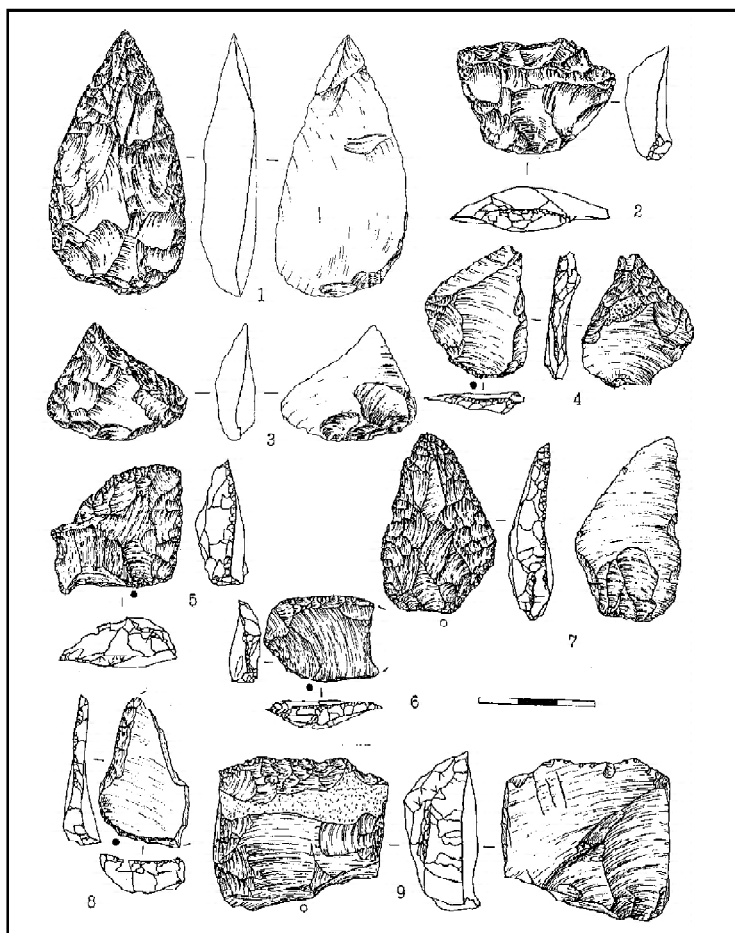

Рис. 7. Сюрень-1. Кремневые изделия Киик-Кобинской индустрии Крымской Микокской Традиции Среднего Палеолита раскопок 1990-х гг.: 1 - подлавролистный дорсальный остроконечник с дистальным и базальным вентральными утончениями, 2 - полу-трапецевидное дорсальное скребло, 3 - под-треугольный дорсальный остроконечник с базальным вентральным утончением, 4 - полу-трапецевидное вентральное скребло, 5 - полу-сегментовидное дорсальное скребло, 6 - полу-трапецевидное дорсальное скребло (продольно фрагментированное), 7 - удлиненное полу-трапецевидное дорсальное скребло с базальным вентральным и латеральным дорсальным утончениями, 8 - простое прямое дорсальное скребло (продольно фрагментированная проксимальная часть), 9 - поперечно-извилистое дорсальное скребло с базальным вентральным утончением и билатеральным дорсальным утончением (1 - 2, 4 - 5, 7 - 8 - горизонт «Gc1-Gc2», 3 - горизонт «Gd», 6 - горизонт «Gb1-Gb2», 9 - горизонт «H»).

комплексы Шайтан-Кобы могут быть «мустьерской подосновой» такого «перехода». Этот конкретный «среднепалеолитический выбор» был сделан Е.А. Векиловой на основании предполагаемой поздней хронологической и индустриальной позиции Шайтан-Кобы в построенной Г.А. Бонч-Осмоловским (1934: 143-148) схеме «однолинейного эволюционного развития» раннего палеолита Крыма. В настоящее время среднепалеолитические комплексы Шайтан-Кобы рассматриваются в качестве раннего этапа развития западнокрымского мустье (Chabai and Marks, 1998) и имеют следующие основные технико-типологические показатели: нелеваллуазское радиальное и параллельное расщепление, при некотором леваллуазском радиальном скалывании, средний индекс пластин (9 - 16 - 20%), отсутствие традиций производства двусторонних орудий и доминирование среди преимущественно крупных и средних размеров односторонних орудий скребел (около 80% которых составляют простые, двойные и поперечные «неконвергентные» формы) и остроконечников удлиненных пропорций. Очевидно, что и среднепалеолитический компонент Сюрени I, и комплексы крымской микокской традиции не имеют «индустриальных связей» с ранним этапом западнокрымского мустье Шайтан-Кобы. В то же время возможное

предположение рассматривать комплексы Шайтан-Кобы в качестве индустриальной подосновы исключительно только верхнепалеолитического/ориньякского комплекса Сюрени I не подтверждается соответствующими технико-типологическими данными Шайтан-Кобы. Среднепалеолитические комплексы этой стоянки характеризуются технологически полным отсутствием производства пластинок и микропластинок, некоторое пластинчатое производство находится в подчиненном положении по отношению к доминирующим методам нелеваллуазского и леваллуазского радиального расщепления, и типологически наличны только единичные и атипичные верхнепалеолитические типы орудий (скребки и резцы) (Колосов, 1972). Более того, в контексте предполагаемого индустриального развития западнокрымского мустье (Chabai 1996; Chabai and Marks 1998) его поздний этап (стоянка Кабази-2, горизонты II/4 — II/1A), датирующийся «пост-Хенгело» периодом вюрмского интерплениглияла и, соответственно, хронологически близкий рассматриваемым находкам Сюрени I, имеет только «финальные» среднепалеолитические индустриальные характеристики — исключительно пластинчатое расщепление при отсутствии какого-либо целенаправленного скалывания пластинок и микропластинок, и вторич-

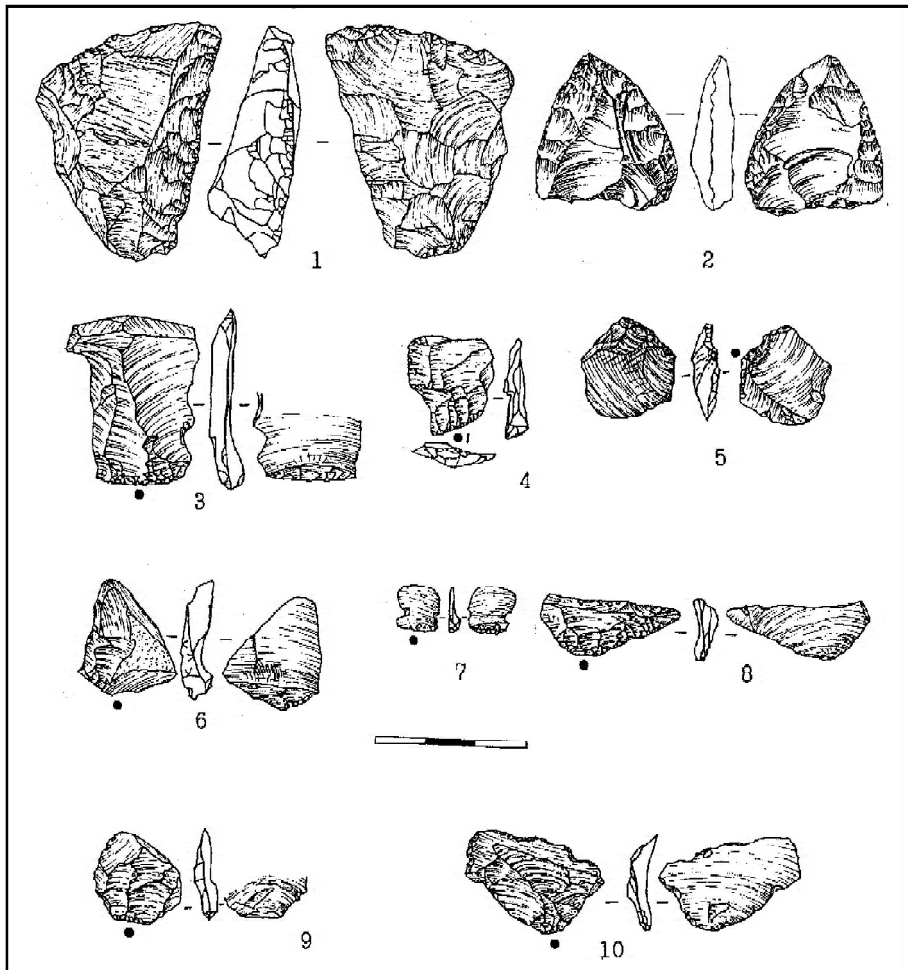

Рис. 8. Сюрень-I. Кремневые изделия Киик-Кобинской индустрии Крымской Микокской Традиции Среднего Палеолита раскопок 1990-х гг.: 1 - однолезвийное прямое двустороннее («плоско-выпуклой техники») скребло, 2 - полу-листовидное / треугольное двустороннее («двояко-выпуклой техники») - кратное переоформление в «плоско-выпуклой техники») острие с вогнутым основанием, 3 - 4 сколы переоформления двусторонних орудий, 5 - скол переоформления дистального конца двустороннего симметричного орудия, 6 - скол оформления двустороннего орудия, 7 - «Янус / Комбева» скол (чешуйка) базального уточнения Среднепалеолитического типа орудия, 8 - скол переоформления дистального конца одностороннего асимметричного орудия, 9 - 10 - «простые» сколы обработки (1 - 2, 4 - горизонт «Gc1-Gc2», 3, 5 - 6, 8, 10 - горизонт «H», 7, 9 - горизонт «Gd»).

ная модификация пластин в виде производства простых и двойных скребел и удлиненных остроконечников, включая ряд отдельных изделий с притупленным ретушью краем, при замечательном отсутствии каких-либо, даже атипичных, скребков, резцов и «негеометрических микролитов».

Таким образом, на основании прямых технико-типологических аналогий между среднепалеолитическим компонентом Сюрени I и индустриями крымской микокской традиции необходимо признать, что только эти среднепалеолитические комплексы могут рассматриваться в качестве возможной индустриальной подосновы для локального возникновения «единого и гомогенного» верхнепалеолитического/ориньякского комплекса Сюрени I с некоторыми «среднепалеолитическими элементами». Если такой переходный процесс действи-

тельно происходил в Крыму, то было бы естественно присутствие в индустриях крымской микокской традиции отдельных верхнепалеолитических и особенно специфических ориньякских технико-типологических элементов, столь характерных для раннего ориньяка типа Кремс-Дюфур нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг. Сюрени I, или, хотя бы, каких-то определенных индустриальных тенденций по их возможному «генерированию» в этих среднепалеолитических комплексах.

Необходимо, однако, признать, что ни одна из индустрий крымской микокской традиции (Ак-Кайская, Киик-Кобинская, Старосельская) не содержит каких бы то ни было устойчивых верхнепалеолитических и тем более ориньякских технико-типологических элементов (см., Колосов и др. 1993; Marks and Chabai 1998).

Технологически эти индустрии не характеризуются ни каким-либо первичным «регулярным» или «кареноидным» скалыванием пластинок и микропластин, ни даже просто хоть каким-то систематическим пластинчатым расщеплением нуклеусов (обычно менее 10% пластин в дебитаже), демонстрируя, напротив, массовое первичное производство отщепов путем раскалывания нелеваллуазских радиальных и параллельных нуклеусов, и оформления и переоформления двусторонних орудий. Типологически верхнепалеолитические орудия (скребки, резцы, проколки) могут встречаться в комплексах этих индустрий, но и количественно (всегда менее 5%), и морфологически (отсутствуют какие бы то ни было ориньякские типы и присутствуют лишь «простые», главным образом, атипичные формы, часть которых может и не быть классифицирована в качестве таковых) они совершенно не составляют каких-то выраженных серий. В целом, комплексы крымской микокской традиции, с точки зрения индустриальных показателей, являются «очень консервативными» среднепалеолитическими индустриями, и даже если представить себе некий «индустриальный взрыв и скачок» по направлению к развитию верхнепалеолитических черт, базовые данные для «генерирования» подлинных верхнепалеолитических и особенно ориньякских технико-типологических элементов полностью здесь отсутствуют.

Таким образом, данные по традициям кремнеобработки указывают все-таки на отсутствие даже гипотетических индустриальных связей раннего ориньяка типа Кремс-Дюфур Сюрени I с комплексами крымской микокской традиции и последние, соответственно, никак не могут рассматриваться в качестве среднепалеолитических «прямых предшественников» и «базовой индустриальной подосновы» в контексте анализа вопроса о локальном переходе к верхнему палеолиту/ориньяку в Крыму.

Более того, такой «переход» от крымского миккока к раннему ориньяку типа Кремс-Дюфур существенно дополнительно осложняется антропологическими данными по представителям этих среднепалеолитических и верхнепалеолитических индустрий. Найденный Г.А. Бонч-Осмоловским в 1926 г. в нижнем слое Сюрени I зуб *Homo sapiens*, наряду с общим признанием *Homo sapiens* как носителей традиций ориньяка Европы, позволяет связывать комплекс раннего ориньяка типа Кремс-Дюфур Сюрени-I именно с *Homo sapiens*. С другой стороны, находки остатков «совершенно не прогрессивных» неандертальцев в верхнем слое Киик-Кобы — эпонимной стоянки киик-кобинской индустрии, а также в Заскальной-V и -VI, Проломе-II — стоянках Ак-Кайской индустрии (см. Бонч-Осмоловский 1940; Гладилин 1979; Якимов и Харитонов 1979; Данилова 1979а, 1979б, 1983; Смирнов 1991; Колосов и

др. 1993) вполне позволяют связывать исключительно неандертальцев с комплексами крымской микокской традиции. Таким образом, маловероятное, а вернее будет сказать, невероятное индустриальное «перевоплощение» крымского миккока в ранний ориньяк типа Кремс-Дюфур должно было бы обязательно еще сопровождаться локальной антропологической трансформацией неандертальцев в *Homo sapiens* в Крыму за очень короткий период времени около 30 000 лет назад.

Такой совершенно фантастический антропологический сюжет, образно говоря, «забивает последний гвоздь в гроб» рассматриваемой здесь возможности локального перехода от среднего к верхнему палеолиту в Крыму и, соответственно, гипотеза № 5 должна быть окончательно отвергнута.

ГИПОТЕЗА № 6. *Присутствие среднепалеолитических артефактов в анализируемых культурных отложениях Сюрени I может быть объяснено или сбором ориньякскими коллективами Homo sapiens таких необычных для них изделий на открытых поверхностях крымских среднепалеолитических стоянок и/или эти изделия были получены ориньякскими Homo sapiens в ходе каких-то прямых контактов с неандертальцами крымской микокской традиции. Данное предположение, в принципе, идентично аргументам М. Оливы (Oliva 1981: 12-13; 1984: 210) по «чуждому присутствию» т.н. «селетских типологических элементов» (скребел и листовидных двусторонних острий) в комплексах индустрии Богунце в Моравии (contra Svoboda 1988: 171; 1990: 202; Allsworth-Jones 1986: 143-144, 1990: 185-187). Такая гипотеза также частично соответствует и предполагаемому М.В. Аниковичем (Anikovich 1992: 225) конкретно для Сюрени I «... связям между локальными «мустьерцами» и, вероятно, пришельцами, которые принесли с собой развитые верхнепалеолитические культурные традиции».*

Влияние данных культурных факторов единственно только было бы возможно в случае хронологической одновременности неандертальцев крымской микокской традиции и *Homo sapiens* ориньяка Сюрени I в анализируемый отрезок времени около — 30 000 лет тому назад. Недавно полученные AMS даты для киик-кобинской индустрии слоя «В» стоянки Бурган-Кая-III в 28 840 ± 460 лет В. Р. (OxA-6673) и 28 520 ± 460 лет В. Р. (Pettitt, 1998: 331) определенно позволяют предполагать такое сосуществование (в широком плане) миккока и ориньяка в Крыму, что, соответственно, и предполагает необходимость анализа гипотезы № 6.

Сбор необычных артефактов, которые были совершенно неизвестны или, по крайней мере, не типичны для собственных традиций кремнеобработки их «собирателей», конечно, вполне можно представить. Но все известные

автору данной статьи подобные случаи для археологии каменного века (к сожалению, крайне редко публиковавшиеся) не указывают на последующее использование и переоформление таких необычных изделий «собираемыми» точно такими же способами, как это делали «оригинальные изготовители и пользователи» этих предметов. Именно наличие действительно совершенно неотличимых морфологически от таковых в комплексах крымской микокской традиции сколов оформления и переоформления среднепалеолитических типов орудий в кремневых собраниях пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг. Сюрени I в контексте гипотезы № 6 заставляет все-таки предполагать какие-то контакты между среднепалеолитическими и верхнепалеолитическими коллективами даже в случае сбора среднепалеолитических типов орудий ориньякскими *Homo sapiens*.

Таким образом, какое-либо позитивное решение по гипотезе № 6 возможно не только при согласии о сосуществовании микокских неандертальцев и ориньякских *Homo sapiens* в Крыму около 30 000 лет тому назад, но, более того, с признанием наличия каких-то действительных взаимодействий между ними, что практически автоматически переводит анализируемую проблему для многих наших коллег в плоскость некоторых глобальных теоретических аспектов по переходному периоду от среднего к верхнему палеолиту. Прежде всего, конечно, имеется в виду следующий аспект — действительно ли можно представить какое-то реальное взаимодействие микокских неандертальцев и ориньякских *Homo sapiens* в Крыму, в процессе которого именно *Homo sapiens* взаимодействовали у местных неандертальцев некоторые традиции производства и переоформления кремневых орудий и, соответственно, способы использования этих орудий для прямого вовлечения таковых в собственные традиции кремнеобработки? Данный вопрос следует решать с как можно более объективных позиций, и он должен базироваться на реальных данных, которые могут быть использованы и для позитивного, и для негативного решения, а не на простом подходе типа «верю — не верю» или с использованием данных в пользу только одного, или позитивного, или негативного ответа.

Начнем с данных, которые могут указывать в пользу принятия гипотезы № 6. Сразу хотелось бы отметить здесь, что автор настоящей статьи первоначально, в ходе раскопок памятника в 1996-1997 гг. был склонен верить в индустриальную гетерогенность комплексов находок нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг. Сюрени I, как отображающую какие-то контакты между носителями традиций микока и ориньяка в Крыму, даже несмотря на очевидные различия

между ними в антропологическом плане. Именно поэтому все «позитивные аргументы» по данной проблеме тщательно подбирались.

Начнем с присутствия в каждом из 4-х археологических очажных горизонтов в рассматриваемых слоях Сюрени I («H», «Gd», «Gc1-Gc2», «Gb1-Gb2») раскопок 1990-х гг. не только типологически выраженных среднепалеолитических типов орудий, практически неотличимых от таковых в комплексах крымской микокской традиции, но и сколов их обработки и переоформления, однозначно указывающих на частичное производство и, главным образом, переоформление данных типов орудий на площади стоянки. Это, безусловно, серьезный аргумент, который дополнительно усиливается одними и теми же «свежими» характеристиками сохранности поверхности и среднепалеолитических, и верхнепалеолитических артефактов в этих горизонтах Сюрени I. Нет также и никаких различий по планиграфическому распространению среднепалеолитических и верхнепалеолитических находок в каждом из этих горизонтов.

Наконец, есть еще и фактор использования различных типов кремня в анализируемых комплексах находок Сюрени I. Е.А. Векилова (1957: 258-270) определила важную роль высококачественного цветного полупрозрачного кремня розовато-охристых оттенков в кремнеобработке нижнего слоя Сюрени I (около 20% всех орудий, по ее подсчетам, изготовлено на этом типе кремня), отмечая его использование для производства верхнепалеолитических типов орудий и удивительным образом не уделяя ему ни единого слова при описании среднепалеолитических типов изделий памятника. В связи с этим, безусловно, имеет право на существование предположение по опубликованным данным раскопок 1920-х гг. о возможном использовании этого цветного кремня (его месторождения до сих пор, к сожалению, не определены, но предполагаются как отдаленные на большое расстояние от Сюрени I) исключительно только в процессах кремнеобработки коллективов верхнепалеолитических/ориньякских традиций, наряду с преобладающим для всех культурных слоев и горизонтов стоянки серым кремнем, тогда как среднепалеолитический индустриальный компонент памятника характеризовался бы исключительно серым кремнем. В этом аспекте важно также помнить, что ни один комплекс находок крымского среднего палеолита (не только стоянки и индустрии крымской микокской традиции!) не содержит каких бы то ни было изделий из камня на таком цветном кремне Сюрени I. Это интересное предположение, однако, не подтверждается данными по раскопкам 1990-х гг. Следующие среднепалеолитические артефакты определены как изготовленные на цветном кремне: поперечно-извилистое дорсальное

скребло с базальным вентральным утончением и билатеральным дорсальным утончением (рис. 7, 9) в горизонте «Н», полутрапецевидное вентральное скребло (рис. 7, 4), 1 «простой» отщеп переоформления в горизонте «Gc1-Gc2» и 1 «простой» отщеп переоформления в горизонте «Gb1-Gb2». Следовательно, необходимо признать характерность и предположительно очень отдаленного импортного цветного кремня, и также отдаленного импортного серого кремня (месторождения на расстоянии около 7-10 км в районе долины р. Качи (Векилова 1957: 259) и для среднепалеолитического, и для верхнепалеолитического индустриальных компонентов пачки горизонтов «G» и горизонта «Н» Сюрени I, что еще раз вроде бы делает более вероятным позитивное решение по гипотезе № 6.

Теперь обратимся к «негативным данным», которые могут противоречить гипотезе № 6.

Прежде всего, это технологический аспект кремнеобработки. Существуют безусловные технологические различия между комплексом верхнего палеолита/раннего ориньяка типа Кремс-Дюфур Сюрени I, основанного на целенаправленном первичном скалывании пластинок и микропластин, а также пластин и их использовании для изготовления большинства орудий, и среднепалеолитическими комплексами крымской микокской традиции, основанных на отщеповом дебитаже, получаемом в ходе и первичного раскалывания нелеваллуазских радиальных и параллельных нуклеусов, и прямого вовлечения плоских конкреций и плиток кремня в процессы формообразования в «плоско-выпуклой технике» большей части двусторонних орудий, и последующем использовании отщепов для изготовления соответствующих типов среднепалеолитических односторонних скребел и остроконечников. Эти технологические различия, а также отсутствие каких бы то ни было верхнепалеолитических/ориньякских технико-типологических характеристик в индустриях крымской микокской традиции, уже рассмотренных при анализе гипотезы № 5, позволяют высказать следующие соображения. Для ориньякских *Homo sapiens* Сюрени I включение среднепалеолитических микокских традиций производства и переоформления орудий в их собственную целостную систему кремнеобработки и использования в трудовых операциях определенно привело бы или к некоторой «реорганизации системы», или к т. н. простому копированию и имитированию среднепалеолитических типов орудий.

Возможность реорганизации ориньякской системы никак не отражена на конкретных материалах анализируемых находок Сюрени I. По всем своим технико-типологическим показателям ориньякский индустриальный компонент Сюрени I относится к раннему ори-

ньяку типа Кремс-Дюфур Европы, которому совершенно не свойственно присутствие среднепалеолитических технико-типологических элементов, если не брать в расчет иногда неверно типологически определяемые как скребла отщепы с маргинальной и/или нерегулярной ретушью. Таким образом, индустриальная однородность анализируемых комплексов находок Сюрени I с двумя отдельными компонентами (верхнепалеолитическим и среднепалеолитическим) при, по меньшей мере, 90% доминировании верхнепалеолитического компонента должна быть подвергнута сомнению.

Далее, если все-таки продолжать придерживаться точки зрения о среднепалеолитических изделиях как неотъемлемой части ориньякского комплекса находок нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонта «Н» 1990-х гг. Сюрени I, то не остается другого выхода, как рассматривать т.н. «имитационное объяснение», являющееся обычно частью «аккультурационной модели». По конкретной проблеме Сюрени I, однако, это было бы очень необычное объяснение. Дело в том, что традиционно имитационный аспект аккультурационной модели, да и сама теория аккультурации используется в контексте анализа переходного периода от среднего к верхнему палеолиту для интерпретации появления некоторых типично верхнепалеолитических характеристик (например, пластинчатой технологии; серийных и зачастую специфических типов таких орудий, как скребки, резцы, острия; традиций изготовления различных изделий из кости / рога и использования «персональных украшений») в таких «аборигенных» для Европы ранних верхнепалеолитических технокомплексах как шательперрон, селет и улццо, обычно ассоциируемых с неандертальцами (действительно найденными антропологическими остатками на стоянках или просто предполагаемыми), под влиянием («аккультурацией») пришлых ориньякских *Homo sapiens* (см., например, Mellars, 1989). Как уже отмечалось, использование этого аспекта «аккультурационной модели», да и вся она в целом, все еще в действительности находятся на уровне просто провозглашения и констатации и не обоснованы конкретными данными и исследованиями по реальному анализу проблем перехода от среднего к верхнему палеолиту в Европе (см., например, d'Errico et al 1998; Zilhao and d'Errico 1999). При всей неразработанности «аккультурационной модели» для проблем переходного периода от среднего к верхнему палеолиту необходимо признать, что ее стержневой идеей является признание именно однонаправленного культурного влияния ориньякских *Homo sapiens* на европейских неандертальцев по совершенствованию и развитию их технологии и «стиля жизни» по приближению к т. н. верхнепалеолитическим «современным» показателям. Ситуа-

ция с анализируемой в русле гипотезы № 6 проблемой Сюрени I также тогда демонстрирует однонаправленность возможной аккумуляции, но в совершенно противоположном направлении — получается, что именно ориньякские *Homo sapiens* были вовлечены в процесс введения среднепалеолитических традиций в их собственную систему в качестве неотъемлемой и абсолютно не модифицированной части под влиянием неандертальцев крымской микокской традиции. Если дальше придерживаться точки зрения по «имитационному объяснению аккумуляционной модели», то необходимо будет признать т. н. «обратную аккумуляцию» для ориньякских *Homo sapiens* Сюрени I, которые, в свою очередь, по всем археологическим данным никак не повлияли на характеристики индустрий крымской микокской традиции местных неандертальцев. Только так, кстати, следует понимать позицию М.В. Аниковича по предполагаемым им связям между «верхнепалеолитическими пришельцами и местными мустьерцами» (Anikovich 1992) по проблеме Сюрени I, если последовательно развивать его идеи и определять «эти связи» по фактическим данным.

Такой единственно возможный сценарий развития гипотезы № 6 по проблеме Сюрени I с необходимостью признания «имитационного объяснения» и даже «модели обратной аккумуляции» совершенно неизвестен по материалам европейского раннего верхнего палеолита и поэтому должен в самом оптимистическом случае приниматься очень осторожно, а с точки зрения автора настоящей статьи если и можно его вообще рассматривать, то как очень маловероятный вариант разрешения данной «крымской загадки».

Таким образом, проанализированные возможные **антропогенные / культурные факторы** в гипотезах № 5 и 6 не предоставляют однозначных вариантов и данных по объяснению роли и места среднепалеолитического индустриального компонента крымской микокской традиции в археологической колонке комплексов раннего ориньяка типа Кремс-Дюфур нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг. Сюрени I. Значит ли это, что для решение «крымской загадки» вообще не может быть предложено какое-либо более-менее убедительное объяснение? Наличие в настоящее время данные все-таки позволяют выдвинуть еще одну гипотезу, которая будет составлена из определенной комбинации **антропогенных / культурных и природных факторов**, и кажется, является единственно возможной здесь.

ГИПОТЕЗА № 7. *Вместо того, чтобы рассматривать анализируемые культурные остатки нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг. Сюрени I как оставленные только коллектива-*

*ми *Homo sapiens* с одними и теми же археологическими характеристиками, не следует ли предположить несколько **попеременных посещений** навеса и ориньякскими *Homo sapiens*, и микокскими неандертальцами, во время которых визиты коллективов *Homo sapiens* были намного более интенсивными по жизнедеятельности и продолжительности по сравнению с таковыми коллективов неандертальцев? Соответственно, во время очень короткого периода времени около 30 000 лет тому назад, хронологически коррелирующегося с этими посещениями навеса, процессы седиментации не были «достаточно быстрыми» для образования стратиграфической и археологической колонки и с верхнепалеолитическими, и со среднепалеолитическими горизонтами здесь, образуя вместо нее получившуюся последовательность верхнепалеолитических горизонтов с отдельными среднепалеолитическими артефактами в каждом из этих горизонтов.*

Теперь попробуем проанализировать все возможные данные, которые могут свидетельствовать в пользу этой гипотезы № 7.

Для этого, прежде всего, необходимо суммировать основные данные по интенсивности, продолжительности и специфике и среднепалеолитических, и верхнепалеолитических предполагаемых посещений Сюрени I и неандертальцами, и *Homo sapiens*.

Среднепалеолитический индустриальный компонент крымской микокской традиции нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг. Сюрени I состоит из следующих достоверно определимых артефактов: 5 нуклеусов, 60 орудий и 23 скола обработки и переоформления орудий, а также не менее 4 костяных ретушеров, тогда как какие-либо сколы дебитаж не представляется возможным выделить чисто по морфологическим признакам в общей массе неретушированных кремней данных комплексов находок. Учитывая высокое соотношение сколов обработки и переоформления орудий (23 предмета) к среднепалеолитическим типам орудий (20 предметов) — приблизительно 1 к 1 по раскопкам 1990-х гг., по аналогии вполне обоснованно можно предполагать присутствие еще около 40 сколов обработки и переоформления орудий в коллекции нижнего слоя 1920-х гг. В сумме тогда среднепалеолитический кремневый компонент может состоять из около 130 изделий — 5 нуклеусов, 60 орудий и около 60 сколов обработки и переоформления орудий. Одновременно все-таки ясно, что какое-то число неретушированного дебитаж должно присутствовать и, естественно, этот дополнительный дебитаж еще увеличил бы общее количество среднепалеолитических кремней, хотя вряд ли такое увеличение было бы значительным. Выраженный пессимизм по возможной немногочисленнос-

ти дебитаж объясняется, с одной стороны, редкостью нуклеусов и отсутствием каких-либо морфологически легко определяемых таких сколов, а с другой стороны, многочисленностью сколов обработки и переоформления орудий. Принимая в расчет все эти данные и соображения, общее возможное количество среднепалеолитических кремневых артефактов (без чешуек) может быть представлено не более чем 200 предметами. Следовательно, на общую раскопанную и в 1920-х гг., и в 1990-х гг. площадь навеса около 100 кв. м приходится в среднем не более чем 2 артефакта на 1 кв. метр, хотя по отдельно взятым данным раскопок 1990-х гг. достоверно известны 43 предмета (без предполагаемого дебитаж) обнаружены на площади в 12 кв. м — в среднем 3,6 артефакта на 1 кв. м. Если основываться только на этих данных 1990-х гг. по средней плотности среднепалеолитических находок для Сюрени I, то даже маловероятное удвоение средних показателей для всех возможных находок и 1920-х гг., и 1990-х гг. составит только около 4 артефактов на 1 кв. м. Не будем забывать о том, что эти предполагаемые данные по плотности артефактов соответствуют не одному посещению неандертальцами навеса, а нескольким, не менее чем 4-м посещениям, которые соответствуют археологическим горизонтам нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонту «H» 1990-х гг., в которых среднепалеолитические находки были зафиксированы. Таким образом, предполагаемое количество среднепалеолитических изделий для каждого из посещений навеса неандертальцами будет очень ограниченным — от единичных экземпляров до не более чем 100 предметов всех возможных категорий изделий, не включая в них чешушки. Такая очевидная редкость среднепалеолитических артефактов, среди которых (считая с предполагаемым дебитажем) и орудия, и сколы обработки и переоформления орудий составляют приблизительно по 30%, позволяет предполагать очень специфические характер жизнедеятельности неандертальцев крымской микокской традиции во время их посещений Сюрени I. Если дополнительно к выше приведенным данным по плотности артефактов сделать еще акцент и на редкость нуклеусов (5 ядрищ против 60 орудий — соотношение 1 к 12), и на присутствие многочисленных сколов переоформления орудий и характерных костяных ретушеров, то вполне определенно можно высказать следующие общие соображения по некоторым особенностям жизнедеятельности неандертальцев в Сюрени I.

Среднепалеолитические орудия в основном приносились в навес в уже изготовленном виде и их последующее использование в трудовых операциях сопровождалось интенсивным переоформлением, что было обусловлено отдаленностью источников кремня и, соот-

ветственно, бедной, как для среднего палеолита, сырьевой базой для «полноценных» процессов первичной нуклеусной и орудийной кремнеобработки в пределах стоянки. Присутствие всего нескольких нуклеусов и сколов первичного формообразования орудий, а также расположение ближайшего месторождения качественного кремня в 7-10 км по прямой от навеса вполне доказывают это. Следовательно, процессы кремнеобработки были крайне лимитированы даже для самых представительных по максимально возможному количеству кремней горизонтов — посещений навеса. Именно этими «субъективными» факторами (Демиденко 1996; Demidenko 1996) и объясняется, кстати, общий индустриальный вид данных находок Сюрени I как наиболее соответствующий по формальным технико-типологическим критериям киик-кобинской индустрии крымской микокской традиции. Более того, жизнедеятельность неандертальцев во время всех возможных посещений навеса была и пространственно ограничена на площади навеса — не распространяясь на центральный участок у его задней стенки (около 60 кв. м), раскопанный в 1879-1880 гг. К.С. Мережковским. Все вместе эти археологические данные позволяют определенно говорить об очень кратковременных частых посещениях навеса микокскими неандертальцами со специальными «эфемерными характеристиками поселений» и только единственным аспектом интенсивности их жизнедеятельности — постоянном кратном переоформлении орудий, приводившем к наличию многочисленных конвергентных форм изделий с ретушью.

Верхнепалеолитический индустриальный компонент раннего ориньяка типа Кремс-Дюфур нижнего слоя 1920-х гг./пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг. Сюрени I очень отличается по всем аспектам характеристик поселений Homo sapiens на памятнике.

Прежде всего, верхнепалеолитический индустриальный компонент представлен намного большим количеством находок — около 15 500 кремней по раскопкам 1920-х гг. нижнего слоя и не менее 5 000 кремней по раскопкам 1990-х гг. пачки горизонтов «G» и горизонта «H». В сумме это около 20 000 артефактов, происходящих с около 100 кв. м раскопанной общей площади, — в среднем около 200 изделий на 1 кв. м. Этот усредненный показатель плотности верхнепалеолитических артефактов приблизительно в 50 раз превышает соответствующий показатель для максимально возможного числа среднепалеолитических кремней, включая и предполагаемый только дебитаж — в среднем около 4 изделий на 1 кв. м. С другой стороны, по обоим рассматриваемым здесь индустриальным компонентам Сюрени I более-менее точные статистические данные

есть лишь по трем категориям артефактов — нуклеидным предметам, орудиям и сколам их обработки и переоформления, и поэтому для наиболее объективного сравнения показателей плотности артефактов среднепалеолитического и верхнепалеолитического комплексов находок следует попробовать использовать отдельно только эти данные. В этом случае, среднепалеолитический компонент будет состоять из 88 кремней, что в среднем менее 1 предмета на 1 кв. метр, тогда как верхнепалеолитический компонент будет состоять из не менее чем 1 300 кремней — в среднем около 13 предметов на 1 кв. метр. Такие показатели совершенно определенно свидетельствуют о намного большей (более чем в 10 раз при любой методике калькуляций) плотности верхнепалеолитических артефактов в сравнении с таковыми показателями для среднепалеолитических артефактов.

В тоже время присутствие всех категорий артефактов в ранних ориньякских типа Кремс-Дюфур комплексах пачки горизонтов «G» и горизонта «H» раскопок 1990-х гг. свидетельствует о «полноценной» первичной и вторичной кремнеобработке в пределах навеса и только, может быть, отдельные немногочисленные орудия уже в готовом виде были принесены сюда.

Затем, определенные в 4-х археологических горизонтах нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонте «H» 1990-х гг. все или, вероятно, большая часть очагов/кострищ и/или линз пепла, скорее всего, следует связывать именно с рассматриваемыми здесь верхнепалеолитическими посещениями *Homo Sapiens* навеса. Данное предпочтение для верхнепалеолитических комплексов перед среднепалеолитическими объясняется фактом обычного присутствия столь выраженных и не единичных структурных элементов в горизонтах обитания более-менее долговременных и кратковременных, но очень редко в «эфемерных» поселениях среднего и верхнего палеолита, и также их сопровождения достаточно многочисленными артефактами, что как раз и соответствует всем данным по комплексам находок раннего ориньяка типа Кремс-Дюфур Сюрени I.

Наконец, не следует также забывать о присутствии находок раннего ориньяка типа Кремс-Дюфур, кроме площадей стоянки исследованных в 1920-х и 1990-х гг., и на центральном участке у задней стенки навеса, раскопанном К.С. Мережковским в 1879 - 1880 гг. — 1137 кремней, среди которых серия из 131 изделия представлена нуклеидными предметами, орудиями и резцовыми сколами. В совокупности с выше приведенными данными, этот «планиграфический аспект» дополнительно свидетельствует в пользу заключения об использовании коллективами *Homo sapiens* во время их посещений навеса всей его площади для не-

обходимых им процессов жизнедеятельности.

«Summa summarum» всех этих данных позволяет высказать следующие общие соображения о характере поселений *Homo sapiens* раннего ориньяка типа Кремс-Дюфур нижнего слоя 1920-х гг./пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг., да и, пожалуй, нижнего слоя 1879 -1880 гг. в Сюрени I. Присутствие в среднем около 200 кремней на 1 кв. метр раскопанной площади по общим данным исследований 1920-х и 1990-х гг. и усредненный показатель плотности артефактов в более чем 400 кремней на 1 кв. метр по отдельно взятым раскопкам 1990-х гг., наличие многочисленных кремней для всех категорий артефактов, нахождение очагов / кострищ и/или линз пепла и распространение всех этих находок и структурных элементов археологических горизонтов по всей исследованной площади навеса (около 160 кв. м) свидетельствуют о ясном доминировании всех процессов кремнеобработки в пределах навеса во время его частых посещений коллективами *Homo sapiens* и характеристиками «интенсивных по жизнедеятельности кратковременных лагерей» с особенно интенсивными первичными процессами скалывания пластинок и микропластинок, их вторичной обработкой и вероятным использованием.

Таким образом, различия между анализируемыми в соответствии с гипотезой № 7 среднепалеолитическим и верхнепалеолитическим индустриальными компонентами рассматриваемых культурных отложений Сюрени-I, интерпретируемые как материальные свидетельства жизнедеятельности антропологически различных коллективов людей, оставленные во время частых попеременных посещений ими навеса, указывают на возможность «поглощения» более многочисленными по находкам и характеристикам интенсивности и продолжительности обитания «жилыми поверхностями» *Homo sapiens* в виде 4-х стратиграфически четких археологических очажных горизонтов совершенно немногочисленных находок «эфемерных жилых поверхностей» неандертальцев.

Предполагаемые процессы «абсорбции» среднепалеолитических находок верхнепалеолитическими должны, конечно, находиться в соответствии с конкретными данными или общими соображениями по скорости накопления отложений в данной части стратиграфической колонки Сюрени-I. На основании заключений геологов, изучавших стратиграфические разрезы памятника 1920-х гг. (Громов 1948; Иванова 1969; 1983), общепризнанной считается точка зрения об очень быстрой скорости осадконакопления здесь (например, Anikovich 1992: 223-225). Некоторые новые сведения по раскопкам 1990-х гг. и сравнения с другими крымскими стоянками могут дополнительно несколько конкретизировать данные по этому вопросу. Прежде всего, здесь следует отметить

основные компоненты осадконакопления в Сюрени I — угловатый щебень и плитки известняка с потолка и стен навеса и продукты их разложения криокластического (морозного выветривания) происхождения. В отношении определения скорости осадконакопления можно обратиться к данным по среднепалеолитической стоянке открытого типа Кабази II — единственному палеолитическому памятнику Крыма, для седиментов которого реально была предпринята попытка таких вычислений (Ferring 1998). Для седиментов Кабази II характерны три основных источника осадконакопления: разрушение криокластического характера крупных плит и блоков известняка, коллювиальные и почвообразующие процессы. Конкретно для археологического слоя II с его «14 горизонтами обитания» (Chabai 1998: 181-182) предположена «... средняя скорость осадконакопления в 0,08 см за 1 год для пачки седиментов мощностью 3,3 м» (Ferring, 1998: 177), что считается очень быстрой седиментацией. Возвращаясь к Сюрени-I, необходимо помнить, что коллювиальные и почвообразующие процессы, признающиеся столь активными в процессах осадконакопления в Кабази II, не играли значительную или вообще какую-то роль здесь. Соответственно, скорость осадконакопления в Сюрени I может не быть такой быстрой, как это отмечается для Кабази II. Вместе с тем, даже если согласиться использовать предполагаемую усредненную скорость осадконакопления Кабази II (0,08 см за 1 год) для калькуляции быстроты накопления отложений анализируемой части культурных седиментов Сюрени I мощностью около 1 метра (не включая сюда, конечно, толщину блоков известняка, разделяющих пачку горизонтов «G» и горизонт «H» раскопок 1990-х гг.), то она совсем не будет противоречить предположениям гипотезы № 7. Простые подсчеты показывают, что стратиграфическая колонка нижнего слоя 1920-х гг. / пачки горизонтов «G» и горизонта «H» 1990-х гг. Сюрени I могла образоваться в течение 1 000-2 000 лет в период около 30 000 лет тому назад (помним здесь AMS даты стоянки). Принимая в расчет эти калькуляции, получается, что, с од-

ной стороны, скорость осадконакопления была недостаточно быстрой для образования стратиграфически дискретных нескольких и среднепалеолитических, и верхнепалеолитических горизонтов, но, с другой стороны, была достаточно быстрой для образования не менее чем 4-х археологически четко определенных верхнепалеолитических горизонтов, «абсорбированных» редкие среднепалеолитические артефакты. В то же время, если бы процессы седиментации были действительно медленными, то, скорее всего, в данных отложениях навеса образовался бы только один, довольно мощный верхнепалеолитический слой с отдельными среднепалеолитическими артефактами, чего, однако, не произошло.

Подводя итоги всем данным по изложенным здесь специфическим характеристикам поселений носителей традиций крымского микока и раннего ориньяка типа Кремс-Дюфур и скорости аккумуляции седиментов в Сюрени I, гипотеза № 7 представляется наиболее логичным объяснением «крымской загадки». Таким образом, из всех 7-и проанализированных альтернативных гипотез, именно последняя, 7-я гипотеза с предположением о нескольких попеременных посещениях навеса и коллективами Homo sapiens раннего ориньяка типа Кремс-Дюфур, и коллективами неандертальцев крымской микокской традиции в хронологически очень короткий промежуток времени около 30 000 лет тому назад, использованная для объяснения нахождения отдельных среднепалеолитических артефактов в верхнепалеолитических горизонтах памятника, признается автором настоящей статьи как более всего соответствующая как фактическим данным по всем раскопкам и материалам Сюрени I, так и основным положениям современного палеолитоведения по проблемам перехода от среднего к верхнему палеолиту. Таким образом, данные комплексы находок Сюрени I должны рассматриваться как два отдельных индустриальных явления, не имеющих прямого отношения к проблеме локальной трансформации среднего палеолита в верхний палеолит в Крыму.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГИПОТЕЗЫ «ПОПЕРЕМЕННЫХ ПОСЕЩЕНИЙ» В АРХЕОЛОГИИ КАМЕННОГО ВЕКА

Идея о попеременных посещениях одной и той же стоянки в хронологически короткий период времени коллективами носителей неодинаковых традиций кремнеобработки (и не только ее) при некоторых особенностях процессов седиментации, в результате чего образуются один или даже несколько инситуальных слоев / горизонтов с различными индустриальными компонентами, является достаточно необычной и/или очень редко используемой при

аналитическом анализе памятников каменного века, понимании их индустриальной вариативности и особенно интерпретации т. н. «гетерогенных» и «синкретических» комплексов находок и «культур». Тем не менее, подобные ситуации для палеолитических стоянок отмечаются как вполне возможные в некоторых специальных работах по проблемам стратиграфии и условиях залегания культурных слоев, и «индустриальной смеси» в рамках одного и того

же археологического слоя. Например, Ж.-Ф. Риго и Я. Симек в своей совместной очень неординарной и заслуживающей скрупулезного анализа и дальнейшей разработки статье по данным вопросам специально акцентируют внимание на такой проблеме — «... в настоящее время мы не можем быть уверены в том, что имеющиеся для анализа коллекции соответствуют индивидуальным периодам заселения стоянок. В действительности, мы можем, вероятно, предполагать обратное. ... На стоянках, где отложение седиментов происходило медленно, весьма вероятно, что несколько коротких по времени посещений, возможно сезонные или ежегодные, будут проявляться как один комплекс находок» (Rigaud and Simek 1987: 54). Более того, в археологической литературе описан и детально проанализирован ряд конкретных случаев наличия различных индустриальных компонентов и элементов на площади одного культурного слоя одной стоянки, интерпретированные как следы жизнедеятельности отличающихся друг от друга по культурным традициям коллективов.

Для каменного века Украины наиболее показательным примером в этом отношении является комплекс находок однослойной стоянки открытого типа позднего мезолита (бореальный период — около 6 000 лет до н. э.) Мирное в Северо-Западном Причерноморье, исследованный в 1969 — 1976 гг. В.Н. Станко (1982). На систематически раскопанной площади культурного слоя в 1 807 кв. м. В.Н. Станко было выделено 8 скоплений артефактов и фаунистических остатков, занимавших в совокупности около 700 кв. м стоянки. Предпринятый В.Н. Станко детальный технико-типологический анализ кремней отдельно каждого из этих скоплений показал следующую «индустриальную и планиграфическую мозаичность» данного мезолитического поселения: «скопление № 1» (29 кв. м) характеризовалось исключительным присутствием только артефактов «кукрекской культуры» — карандашевидными нуклеусами, доминированием пластинок и микропластин в дебритаже, вкладышами кукрекского типа, пластинками и микропластинами с притупленным ретушью краем, включая отдельные микроострия, костяными наконечниками с продольными пазами; еще 3 скопления — «№ 2» (25 кв. м), «№ 12» (21 кв. м) и «№ 13» (28 кв. м) характеризовались, с другой стороны, наличием только артефактов «гребениковской культуры» — призматическими и плоскими нуклеусами, преобладанием отщепов в дебритаже, геометрическими микролитами — трапециями; тогда как остальные 4 скопления — «№ 3-8» (294 кв. м), «№ 9-11» (140 кв. м), «№ 14-16» (93 кв. м) и «№ 17-18» (66 кв. м) имели «смазанные» индустриальные характеристики — наличны и «кукрекские», и «гребениковские» артефакты, хотя на большой площади каждого из этих 4-х скоплений дополнительно отмечалось несколько «микроскоплений» и с отдельно кукрекскими, и с отдельно гребениковскими типичными изделиями (Станко 1982: 60-81). Такое «мозаичное» планиграфическое распространение находок двух культур позднего мезолита на площади одного и того же археологического культурного слоя стоянки Мирное было интерпретировано В.Н. Станко как определенный вариант сосуществования и взаимодействия коллективов двух различных культурных традиций, в контексте чего он и предположил, «... что подобная ситуация ... могла сложиться в условиях индивидуализации хозяйства, сосредоточения большой доли хозяйственных операций и быта в рамках небольшого круга родственников (семьи), с одной стороны, и наличия широких экзогамных брачных связей, с другой» (Станко 1982: 79). Со своей стороны, автору настоящей статьи хотелось бы отметить, что ситуация с попеременными посещениями данной стоянки носителями традиций и кукрекской, и гребениковской культур совсем не исключена и даже более вероятна с учетом таких особенностей планиграфических данных, где 4 «чистых» скопления площадью от 21 до 29 кв. метров могут представлять действительно культурно дискретные и отдельные поселения, тогда как 4 другие «смазанные» скопления намного большей площади от 66 до 294 кв. метров фиксируют следы жизнедеятельности нескольких попеременных отдельных поселений каждой из этих двух культур приблизительно на одних и тех же участках во время очень короткого промежутка времени, которые планиграфически «накладывались друг на друга» и поэтому их разделение на отдельные поселения кукрекской и гребениковской культур совершенно невозможно при археологических исследованиях памятника, хотя именно присутствие в них ряда «чистых микроскоплений» в значительной мере подкрепляет предложенную здесь их общую интерпретацию. Для стоянки Мирное, кстати, не трудно было бы представить себе ситуацию, когда кто-нибудь из наших коллег интерпретировал бы индустрию памятника как имеющую «гетерогенные характеристики» и объяснял их «синкретическим слиянием» двух культур в какую-то новую культуру, если бы артефакты в культурном слое были значительно большей плотности на единицу раскопанной площади и без какой-либо группировки на культурно дискретные скопления, или если бы В.Н.Станко анализировал кремневые и костяные находки как единый комплекс, вместо в действительности проведенного им, без преувеличения, выдающегося, скрупулезного исследования с учетом всех факторов расположения артефактов на раскопанной площади культурного слоя.

Более того, объясняя расположение на

площади от 700 до 1800 кв. м одного культурного слоя в седиментах раннего голоцена большой стоянки открытого типа Мирное отдельных поселений кукрекской и гребениковской культур попеременными посещениями их коллективами смежных участков памятника в разное время и перенося эту ситуацию на проблему совместного нахождения среднепалеолитических и верхнепалеолитических артефактов в нижнем слое 1920-х гг. / пачке горизонтов «Г» и горизонте «Н» 1990-х гг. Сюрени I для намного меньшей по размерам площади в около 100 кв. метров, к тому же в рамках естественно ограниченного пространства навеса, в отложениях верхнего плейстоцена, кажется, еще более укрепляет гипотезу попеременного посещения Сюрени I и микокскими неандертальцами, и ориньякскими *Homo sapiens*, хотя и здесь также есть одно «чистое скопление» (около 60 кв. м) с только верхнепалеолитическими/ориньякскими находками, исследованное в ходе раскопок К.С. Мережковского еще в 1879 - 1880 гг.

С точки зрения автора настоящей статьи, применение гипотезы «попеременных посещений» ко многим стоянкам каменного века является действительно необходимым. В частности, для Крыма это особенно акту-

ально в отношении комплексов находок финального палеолита для того, чтобы избежать ситуации по провозглашению здесь новых «гетерогенных» культур «синкретического характера», как это совершенно неубедительно предлагается В.Ю. Коеном (Бибииков и др. 1994; Коен 1996; Cohen and Gorelik 1998). В самом деле, нахождение в одних и тех же культурных слоях ряда небольших по размерам навесов и гротов хронологически близких, но совершенно различных и технологически, и типологически «свидерских» и «шан-кобинских», «эпи-тардиграветтских» («шпанская мезолитическая культура», по А.А. Яневичу 1993) и «шан-кобинских» индустриальных компонентов финального палеолита интерпретируется В.Ю. Коеном как новая дискретная «финальнопалеолитическая культура Сюрени II» и «финальнопалеолитическая культура слоя 4 стоянки Шан-Коба» Крыма. Как кажется, в ближайшее время А.А. Яневич собирается применить гипотезу «попеременных посещений» к выше названным проблемам финального палеолита Крыма для более реалистического понимания процессов распространения и развития во времени индустрий (культур ?) финального палеолита Крыма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в данной статье анализ проблемы совместного нахождения среднепалеолитических и верхнепалеолитических артефактов в нижнем слое 1920-х гг. / пачке горизонтов «Г» и горизонте «Н» 1990-х гг. Сюрени I («крымская загадка») с помощью метода альтернативных гипотез позволяет сделать следующие выводы.

В Сюрени I отсутствует какой-либо отдельный археологический горизонт с исключительно только среднепалеолитическими изделиями (гипотеза № 1).

Природные факторы по возможному нарушению отложений навеса или каким-то образом способствовавшие проникновению извне среднепалеолитических изделий в верхнепалеолитические археологические горизонты (гипотезы № 3-4) не являются действительными причинами и не могут использоваться в качестве объяснения.

«Эволюционная идея» о развитии комплекса находок верхнего палеолита / раннего ориньяка типа Кремс-Дюфур с отдельными среднепалеолитическими пережиточными элементами» Сюрени I из местных индустрий среднего палеолита (гипотеза № 5) не соответствует ни археологическим, ни антропологическим, ни хронологическим данным.

Возможности реальных контактов и взаимодействия между ориньякскими *Homo sapiens* и микокскими неандертальцами (ги-

потеза № 6) совершенно не кажутся вероятными, особенно в свете того обстоятельства, что тогда пришлось бы согласиться с т. н. «обратной аккультурацией», при которой именно неандертальцы ввели ряд своих характерных индустриальных элементов в систему кремнеобработки *Homo sapiens* и последние полностью восприняли и использовали эти элементы и в первичном, и во вторичном производстве и даже способах переоформления орудий без каких-либо изменений, тогда как сами неандертальцы не позаимствовали никаких верхнепалеолитических / ориньякских индустриальных приемов. В настоящее время, единственным возможным объяснением представляется попеременное посещение навеса Сюрени I в течение короткого промежутка времени (не более 1 000 — 2 000 лет) около 30000 лет назад и неандертальцами крымской микокской традиции (неоднократные очень «эфемерные» поселения), и *Homo sapiens* раннего ориньяка типа Кремс-Дюфур (частые поселения с характеристиками «кратковременных лагерей»), когда при определенной скорости процессов седиментации верхнепалеолитические горизонты с многочисленными находками и четкими структурными элементами «абсорбировали» редкие среднепалеолитические артефакты (гипотеза № 7), в результате чего и получилась известная по раскопкам 1920-х гг., и более детально теперь представленная по

раскопкам 1990-х гг. археологическая колонка 4-х верхнепалеолитических горизонтов с отдельными среднепалеолитическими изделиями, вместо действительной интерстификации в ней и среднепалеолитических, и верхнепалеолитических горизонтов.

Принятие этого объяснения позволяет также конкретизировать и индустрию среднего палеолита, представленную в Сюрени I. Это по всем характеристикам артефактов киик-кобинская индустрия крымской микокской традиции. Следовательно, долгое время постулировавшееся положение о присутствии стоянок с комплексами находок киик-кобинской индустрии (культуры, по В.Н. Гладилину и В.Н. Степанчуку) исключительно только в Восточном Крыму (например, Гладилин 1976; 1985; Колосов 1986; Колосов и др. 1993; Степанчук 1991; Chabai et al. 1995; Chabai and Marks 1998) не соответствует реальным данным и должно быть пересмотрено. Таким образом, Сюрень I следует признать стоянкой и с комплексом находок киик-кобинской индустрии крымского микока в Юго-Западном Крыму, хотя это вполне еще можно было сделать и по результатам раскопок 1920-х гг. Г.А. Бонч-Осмоловского, но, как говорится, «лучше позже, чем никогда». Детальная характеристика этого среднепалеолитического комплекса Сюрени I будет опубликована в подготавливаемой в настоящее время к печати статье. Соответственно, Сюрень I более не может рассматриваться как только верхнепалеолитическая стоянка, а должна быть признана как многокомплексный памятник каменного века с находками в индустри-

альном и хронологическом интервале от среднего палеолита / киик-кобинской индустрии крымской микокской традиции (около 30 000 лет тому назад) до финального палеолита / «крымского азиля» — шан-кобинской индустрии (около 11 000 лет тому назад).

Наконец, в свете анализа и путей решения «среднепалеолитической проблемы» Сюрени I, настоятельно необходима дальнейшая разработка и конкретное применение гипотезы «попеременных посещений» для интерпретации многих палеолитических стоянок и их кремневых индустрий. Особенно это актуально в контексте проблем переходного периода от среднего к верхнему палеолиту, да и в целом по отношению к комплексам находок каменного века с т. н. «гетерогенными индустриальными элементами», которые не должны рассматриваться как результат генезиса новых «дискретных культур синкретического характера» без всестороннего обсуждения всех возможных объяснений, и среди них именно гипотеза «попеременных посещений» должна играть одну из основных ролей.

В заключение хотелось бы отметить, что исследования навеса Сюрень I в Крыму в 1994-1997 гг. были осуществлены сотрудниками Крымского Филиала Института Археологии НАН Украины (г. Симферополь) — В.П. Чабаем, А.И. Евтушенко, С.В. Татарцевым и Ю.Э. Демиденко и Университета г. Льеж (Бельгия) — М. Оттом и П. Нуаре при финансовой поддержке Фонда INTAS (Projects INTAS-93-203 and INTAS-93-203-ext) и Крымского Филиала Института Археологии НАН Украины.

ЛИТЕРАТУРА

- Бибиков С.Н., Станко В.Н., Коен В.Ю. 1994. Финальный Палеолит и Мезолит Горного Крыма. - Одесса: Весть. - 238 с.
- Бонч-Осмоловский Г.А. 1934. Итоги изучения Крымского Палеолита // ТМАИЧПЕ. Вып. 5. - С. 114-183.
- Бонч-Осмоловский Г.А. 1940. Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма. Вып. 1. - М.-Л.: Изд-во АН СССР. - 226 с.
- Векилова Е.А. 1957. Стоянка Сюрень I и ее место среди Палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий // МИА. № 59. - С. 235-323.
- Гладиллин В.Н. 1976. Проблемы Раннего Палеолита Восточной Европы. - Киев: Наукова думка. - 229 с.
- Гладиллин В.Н. 1979. О культурно-хронологической принадлежности Неандертальских погребений в гроте Киик-Коба // Исследование Палеолита в Крыму. - Киев: Наукова думка. - С. 67-76.
- Гладиллин В.Н. 1985. Ранний Палеолит // Археология Украинской ССР. - Киев: Наукова думка. - Т. 1. - С. 12-53.
- Громов В.И. 1948. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений Четвертичного периода на территории СССР. (Млекопитающие, Палеолит) // Тр. ИГН. - Вып. 64. Геолог. серия № 17. - С. 218-250.
- Данилова Е.И. 1979а. Затылочная кость Неандертальца из траншеи Заскальная V возле Ак-Кая // Исследование Палеолита в Крыму. - Киев: Наукова думка. - С.76-84.
- Данилова Е.И. 1979б. Фрагмент пястной кости Неандертальца // Исследование Палеолита в Крыму. - Киев: Наукова думка. - С. 84-85.
- Данилова Е.И. 1983. Антропологическая характеристика костных остатков Неандертальских детей из 3 культурного слоя Мустьерской стоянки Заскальная VI (Крым) // Вопросы антропологии. - Вып. 71.
- Демиденко Ю.Э. 1996. Среднепалеолитические индустрии Восточного Крыма: интерпретации их различий // Археологический альманах. - № 5. - Донецк. - С. 95-100.
- Демиденко Ю.Э. 1998. Ориньяк Сюрени-I (Крым): новые данные по раскопкам 1990-х годов // Тезисы докладов VII Донской Археологической Конференции "Проблемы Археологии Юго-Восточной Европы". - Ростов-на-Дону. - С. 16-17.
- Демиденко Ю.Э. 1999. Ориньяк типа Кремс-Дюфур Сюрени-I (Крым): его вариабельность и место в Ориньяке Европы // Тезисы докладов на Международной Конференции "Локальные различия в

- Каменном Веке», посвященной 100-летию со дня рождения С.Н. Замятина. - Санкт-Петербург. - С. 113-115.
- Иванова И.К. 1969. Геологические условия нахождения Палеолита на территории СССР // БМОИП. - Отд. геолог. - Т. XIV (3). - С. 18-39.
- Иванова И.К. 1983. К геологии Палеолита Крыма // ИВУЗ. - Сер. Геология и Разведка. - № 11. - С. 22-31.
- Коев В.Н. 1995. Сюреньская Финальнопалеолитическая культура // Археологический альманах. - № 4. - Донецк. - С. 74-98.
- Колосов Ю.Г. 1972. Шайтан-Коба - Мустьерська стоянка Криму. - Київ: Наукова думка. - 158 с.
- Колосов Ю.Г. 1986. Аккайская Мустьерская культура. - Киев: Наукова думка. 224 с.
- Колосов Ю.Г., Степанчук В.Н., Чабай В.П. 1993. Ранний Палеолит Крыма. - Киев: Наукова думка. - 223 с.
- Платт Дж. 1965. Метод строгих выводов // Вопросы философии. - № 9. - С. 68-78.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В. 1984. Поздний Палеолит Русской равнины и Крыма // П.И. Борисковский (ред.). Палеолит СССР. - М.: Наука. - С. 162-271.
- Смирнов Ю.А. 1991. Мустьерские погребения Евразии. - М.: Наука. - 338 с.
- Станко В.Н. 1982. Мирное. Проблема Мезолита степей Северного Причерноморья. - Киев: Наукова думка. - 174 с.
- Степанчук В.Н. 1991. Киик-Кобинская Мустьерская культура. - Автореф. дис. на соискание ученой степени к. и. н. - Ленинград. - 18 с.
- Якимов В.П., Харитонов В.М. 1979. К проблеме Крымских Неандертальцев // Исследование Палеолита в Крыму. - Киев: Наукова думка. - С. 56-66.
- Яневич А.А. 1993. Шпанська Мезолітична культура // Археологія. - № 1. - С. 3-15.
- Allsworth-Jones Ph. 1986. The Szeletian and the Transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Europe. - Oxford: Clarendon Press. - 412 p.
- Allsworth-Jones Ph. 1990. The Szeletian and the Stratigraphic Succession in Central Europe and Adjacent Areas: Main Trends, Recent Results, and Problems for Resolution // Mellars P. (ed.). The Emergence of Modern Humans. An Archaeological Perspective. - Edinburgh: Edinburgh University Press. - P. 160-242.
- Anikovitch M.V. 1992. Early Upper Paleolithic Industries of Eastern Europe // Journal of World Prehistory. - Vol. 6 (2). - P. 205-245.
- Bar-Yosef O. 1992. The Role of Western Asia in Modern Human Origins // Philosophical Transactions of the Royal Society. - N 337. - P. 193-200.
- Bar-Yosef O. 1994. The Contributions of Southwest Asia to the Study of the Origin of Modern Humans // Nitecki M.H. and Nitecki D.V. (eds.). Origins of Anatomically Modern Humans. - New York and London: Plenum Press. - P. 23-66.
- Bar-Yosef O. 1996. Modern Humans, Neanderthals and the Middle / Upper Paleolithic Transition in Western Asia // Bar-Yosef O., Cavalli-Sforza L., March R. and Piperno M. (eds.). The Lower and Middle Palaeolithic. Colloquium X: The Origin of Modern Man. XIII UISPP Congress. Forli: A.B.A.C.O Edizioni. - P. 175-190.
- Bar-Yosef O., Arnold M., Mercier N., Belfer-Cohen A., Goldberg P., Hously R., Laville H., Meignen L., Vogel J.C., Vandermeersch B. 1996. The Dating of the Upper Paleolithic Layers in Kebara Cave, Mt. Carmel // Journal of Archaeological Science. - Vol. 23. - P. 297-306.
- Cann R., Stoneking M., Wilson A.C. 1987. Mitochondrial DNA and Human Evolution // Nature. - N 325. - P. 31-36.
- Chabai V.P. 1987. Kabazi-II in the Context of the Crimean Middle Paleolithic // European Prehistory. - N 9. - P. 31-48.
- Chabai V.P. 1998. Kabazi-II: Introduction // Marks A.E. and Chabai V.P. (eds.). The Middle Paleolithic of Western Crimea. Vol. 1. - Liege: Universite de Liege. ERAUL N 84. - P. 167-200.
- Chabai V.P., Marks A.E., Yevtushenko A.I. 1995. Views of the Crimean Middle Paleolithic: Past and Present // European Prehistory. - N 7. - P. 59-80.
- Chabai V.P., Marks A.E. 1998. Preliminary Synthesis: Middle Paleolithic Assemblage Variability in Western Crimea // Marks A.E. and Chabai V.P. (eds.). The Middle Paleolithic of Western Crimea. Vol. 1. - Liege: Universite de Liege. ERAUL N 84. - P. 355-367.
- Cohen V., Gorelik A. 1998. The Final Palaeolithic of the Northern Black Sea coast // Otte M. (ed.). Anatolian Prehistory. At the Crossroads of Two Worlds. Vol. 1. - Liege: Universite de Liege. ERAUL N 85. - P. 427-445.
- Demidenko Yu.E. 1996. Middle Paleolithic Industries of the Eastern Crimea: Interpretation of their Variability // European Prehistory. - N 9. - P. 49-61.
- Demidenko Yu.E., Usik V.I. 1993. Leaf Points of the Upper Palaeolithic Industry from the 2nd complex of Korolevo II and Certain Methodical Problems in Description and Interpretation of the Category of Palaeolithic Tools // European Prehistory. - N 4. - P. 49-62.
- Demidenko Yu.E., Usik V.I. 1995. Sur les criteres de reconnaissance de la fabrication in situ des pointes foliacees: l'exemple de Korolevo II // Paleo supplement N 1. Actes du colloque de Miskolc: Les Industries à Pointes Foliacees d'Europe Centrale. - P. 213-216.
- Demidenko Yu.E., Chabai V.P., Otte M., Yevtushenko A.I., Tatartsev S.V. 1998. Siuren-I, an Aurignacian Site in the Crimea (the Investigations of the 1994-1996 Field Seasons) // Otte M. (ed.). Anatolian Prehistory. At the Crossroads of Two Worlds. - Vol. 1. - Liege: Universite de Liege. ERAUL N 85. - P. 367-413.
- D'Errico F., Zilhao J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J. 1998. Neanderthal Acculturation in Western Europe? A Critical Review of the Evidence and its Interpretation // Current Anthropology. - Vol. 39 (Supplement). - P. 1-44.
- Ferring C.R. 1998. Geological Setting and Stratigraphy // Chabai V.P. Kabazi-II: Introduction. In Marks A.E. and Chabai V.P. (eds.). The Middle Paleolithic of Western Crimea. Vol. 1. - Liege: Universite de Liege. ERAUL N 84. - P. 170-177.
- Gladiilin V.N., Demidenko Yu.E. 1989. Upper Palaeolithic Stone Tool Complexes from Korolevo // Anthropologie (Brno). - Vol. XXVII/2-3. - P. 143-178.
- Gladiilin V.N., Sittliviy V.I. 1987. On the Pre-Oldowan Development Stage of the Society // Anthropologie (Brno). - Vol. XXV (3). - P. 193-204.
- Goldberg P., Nash D., Petraglia M.D. (eds.). 1993. Formation Processes in Archaeological Context. - Madison: Prehistory Press. Monographs in World Archaeology N 17.
- Grigorieva G.V., Anikovitch M.V. 1991. Au sujet des liens culturels entre certaines industries du Paleolithique superieur d'Hongrie et de l'Europe d'Est // Chirica V. et Monah D. (eds.). Le Paleolithique et le Neolithique de la Roumanie en Contexte Europeen. Bibliotheca

- Archaeologica Iassiensis. - Vol. IV. Iasi. - P. 72-89.
- Hahn J. 1977. Aurignacien, das altere Jungpaläolithikum in Mittel- und Osteuropa. Fundamenta: Reihe A. - Bd. 9. - Köln, Wien: Bohlaus. - 355 p.
- Kozłowski J.K. 1965. Studia nad zrocznicowaniem kulturowym w Paleolicie gornym Europy Srodkowej. Prace Archeologiczne. - N 7. Krakow. - 155 p.
- Kozłowski J.K. 1988. Transition from the Middle to the Early Upper Paleolithic in Central Europe and the Balkans // Hoffecker J.F. and Wolf C.A. (eds.). The Early Upper Paleolithic. Evidence from Europe and the Near East. Oxford: British Archaeological Reports, International Series 437. - P. 193-235.
- Kozłowski J.K. 1990. A Multiaspectual Approach to the Origins of the Upper Palaeolithic in Europe // Mellars P. (ed.). The Emergence of Modern Humans. An Archaeological Perspective. - Edinburgh: Edinburgh University Press. - P. 419-437.
- Lopez Bayon I. 1998. La faune de Siuren-I (Crimee), analyse preliminaire // Otte M. (ed.). Anatolian Prehistory. At the Crossroads of Two Worlds. - Vol. 1. Liege: Universite de Liege. ERAUL N 85. - P. 415-425.
- Marks A.E. 1983. The Middle to Upper Paleolithic Transition in the Levant // Wendorf F. and Close A.E. (eds.). Advances in World Archaeology. Vol. 2. New York: Academic Press. - P. 51-98.
- Marks A.E., Chabai V.P. (eds.). 1998. The Middle Paleolithic of Western Crimea. Vol. 1. - Liege: Universite de Liege. ERAUL N 84. - 383 p.
- Mellars P. 1989. Major Issues in the Emergence of Modern Humans // Current Anthropology. - Vol. 30 (3). - P. 349-385.
- Mellars P. 1996. The Neanderthal Legacy. Princeton: Princeton University Press.
- Oliva M. 1981. Die Bohunicien-Station bei Podoli (Bez.: Brno-Land) und Ihre Stellung im beginnenden Jungpaläolithikum // Casopis Moravskeho Musea. - Vol. 66. - P. 7-45.
- Oliva M. 1984. Le Bohunicien, un nouveau groupe culturel en Moravie: quelques aspects psycho-technologiques du developpement des industries Paleolithiques // L'Anthropologie. - Vol. 88 (2). - P. 209-220.
- Otte M., Keeley L.H. 1990. The Impact of Regionalism on Palaeolithic Studies // Current Anthropology. - Vol. 31. - P. 577-582.
- Pettitt P.B. 1998. Middle Palaeolithic and Early Upper Palaeolithic Crimea: the radiocarbon chronology // Otte M. (ed.). Anatolian Prehistory. At the Crossroads of Two Worlds. Vol. 1. - Liege: Universite de Liege. ERAUL N 85. - P. 329-338.
- Rigaud J.-Ph., Simek J.F. 1987. «Arms Too Short to Box With God»: Problems and Prospects for Palaeolithic Prehistory in Dordogne, France // Soffer O. (ed.). The Pleistocene Old World. Regional Perspectives. - New York and London: Plenum Press. - P. 47-61.
- Stringer C.B. 1989. The Origin of Early Modern Humans: A Comparison of the European and non-European evidence // Mellars P. and Stringer C. (eds.). The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans. - Edinburgh: Edinburgh University Press. - P. 232-24.
- Stringer C.B. 1994. Out of Africa: A Personal History // Nitecki M.H. and Nitecki D.V. (eds.). Origins of Anatomically Modern Humans. - New York and London: Plenum Press. - P. 149-172.
- Svoboda J. 1988. Early Upper Paleolithic Industries in Moravia: a Review of Recent Evidence // Kozłowski J.K. (ed.). L'Homme de Neanderthal. Vol. 8. La Mutation. - Liege: Universite de Liege. - P. 169-19.
- Svoboda J. 1990. The Bohunician // Kozłowski J.K. (ed.). Les Feuilles de Pierre. - Liege: Universite de Liege. - P. 199-21.
- Valoch K. 1990. La Moravie il y a 40 000 ans // Farizy C. (ed.). Paleolithique moyen recent et Paleolithique superieur ancien en Europe. - Nemours: Musee de Prehistoire d'Ile de France. - P. 115-124.
- Vertes L. 1960. Die Altsteinzeit der sudlichen Donaugebiete // Quartar. - Vol. 12. - P. 53-150.
- Wolpoff M. 1989. Multiregional Evolution: The Fossil Alternative to Eden // Mellars P. and Stringer C. (eds.). The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans. - Edinburgh: Edinburgh University Press. - P. 62-108.
- Wolpoff M., Caspari R. 1996. Why aren't Neanderthals modern humans ? // Bar-Yosef O., Cavalli-Sforza L., March R. and Piperno M. (eds.). The Lower and Middle Paleolithic. Colloquium X: The Origin of Modern Man. XIII UISPP Congress. Forli: A.B.A.C.O Edizioni. - P. 133-156.
- Zilhao J., d'Errico F. 1999. The Chronology and Taphonomy of the Earliest Aurignacian and Its Implications for the Understanding of Neanderthal Extinction // Journal of World Prehistory. - Vol. 13 (1). - P. 1-68.